

АЛЕКСАНДР ТРАВНИКОВ

РОМАН ПРО ШПИОНОВ

В 2-Х ЧАСТЯХ

Александр Травников

Роман про шпионов. В 2-х частях

«Издательские решения»

Травников А.

Роман про шпионов. В 2-х частях / А. Травников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839700-4

«Роман про шпионов» Александра Травникова состоит из двух книг. Первая книга называется «Дом на Белорусском». Вторая — «Завтра будет потом». Так или иначе, части книги и отдельные главы были опубликованы ранее. Для пробы. Читатель потребовал продолжения. Так получился роман. Тема про шпионов — это всегда интересно. Особенно когда про это пишет тот, кто и сам лично видел самых что ни на есть живых шпионов в лицо.

ISBN 978-5-44-839700-4

© Травников А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Книга первая	8
Пролог	8
Часть I. Путешествие в лес	9
Глава I. Утро в разведроту	9
Глава II. В штабе	9
Глава III. Болград-Табаки – наш путь во мраке!	10
Глава IV. Как стать шпионом?	11
Глава V. Дорога в школу за знаниями, в лес	15
Глава VI. Прогулка в лесу	17
Глава VII. Главный секрет подготовки советских диверсантов	18
Часть II. Колесо Сансары	21
Глава I. Экзамены? Это легко!	21
Глава II. Мандатный фильтр как Колесо Сансары	22
Глава III. Вылазка	25
Глава IV. По танкам гранатами – огонь!	27
Глава V. Отсев	28
Глава VI. Рельсовая война, или День Терминатора	31
Глава VII. Тропа следопытов	33
Глава VIII. Последний день лета	35
Часть III. Дом на Белорусском	38
Глава I. Место для старта	38
Глава II. Первый день осени	39
Глава III. Китайский синдром	39
Глава IV. Китайский синдром в реале	43
Глава V. Язык и курение	45
Глава VI. Первый, тот, кто из наших	46
Часть IV. Самый интересный предмет	48
Глава I. Магия цифр в КГБ	48
Глава II. Как обмануть полиграф?	49
Глава III. Самый интересный предмет	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман про шпионов В 2-х частях

Александр Травников

Иллюстратор Александр Игоревич Травников

© Александр Травников, 2017

© Александр Игоревич Травников, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9700-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Роман про шпионов» по факту состоит из двух книг. Одна продолжает другую.

Первая книга называется – «Дом на Белорусском».

Вторая книга называется – «Завтра будет потом».

Обе книги – части одного целого. Одного романа.

Почему именно так? Все весьма просто. Когда мы пришли в Дом на Белорусском, в котором в то время располагался один из филиалов Высшей школы КГБ СССР, все мы вдруг поверили, что у нас есть завтра. Правда, быстро выяснилось, что это завтра наступит потом.

Но если ты веришь в то, что это потом точно будет, то все становится вполне себе предсказуемым. По крайней мере, на ближайшие пять лет, это точно. Потом наступило ожидание другого завтра. Но что интересно. Пока все ждали это завтра, пока все ждали это мифическое потом, вокруг происходила масса событий, в которых приходилось быть не только очевидцем и сторонним наблюдателем. Все, что реально происходило в мире разведчиков и шпионов, оказалось, по факту гораздо ближе, чем можно было тогда предполагать. И мы тогда не предполагали.

Мы учились и делали свою работу. Когда прошло время, вдруг выяснилось, что всё это время мы находились в самой гуще событий. Сейчас, когда книга практически закончена, вдруг выяснилось, что и про это еще не написал, и про это не рассказал. Правда, сам текст книги сократился если не на две трети, то уж точно наполовину.

Эта недостающая часть, то, что мои друзья и бывшие коллеги повычёркивали из неё по тем или иным, объективным, и с моей точки зрения более субъективным причинам. Хотя, может быть мы смотрим на одну и ту же вещь, одно и то же событие с разных углов и точек зрения.

Но это как с луной. У неё есть видимая и невидимая стороны. Потому, зачем же лишний раз будоражить умы и фантазии. Я согласился оставить тот минимум, который сохранился. И на том спасибо. И так много чего осталось. Некоторые отрывки романа я опубликовал. С целью так сказать изучения общественного мнения и интереса. Интерес есть.

Более того. Встретил одного своего бывшего коллегу. Капитана первого ранга в отставке. Он теперь путешествует. По музеям ходит. Гидов разных слушает. Прочитал он некоторые отрывки романа из тех, что были опубликованы. И дополняет меня пересказом того, что ему в одном музее в Крыму рассказывали:

– Стой, – говорю. Обожди. Ты это читал? И даю ему прочесть то, что было размещено в сети пару месяцев назад.

– Точно! – отвечает. – Слово в слово!

Я обрадовался. Это хорошо, что читают. Плохо, конечно, что на источники не ссылаются. А с другой стороны – это и хорошо. Хорошо, что читают. Хорошо, что дополняют какими-то своими знаниями и верой в то, что так оно на самом деле и было.

Событие-то по факту было, а как и что происходило на самом деле, кто еще расскажет? Разве что в романе напишут. Тем более что вот оно – красноречивое подтверждение силы печатного слова и компьютерных сетей.

Любая информация, даже если это всего лишь часть романа, всего лишь его глава, всё воспринимается на веру. А уж если и словами потом передаётся, то всё. Истина в последней инстанции. Всё было именно так, и никак иначе.

Жанр второй моей книги «Завтра будет потом», роман – и это понятие условное. Как и всё в нашей жизни. Тем более что во всех романах про шпионов и разведчиков, всегда и всюду сплошная условность.

Поэтому, идя на поводу и читателей, Я просто решил писать этот роман так, чтобы каждую его главу можно было читать по отдельности или весь роман целиком, по порядку расположения глав в тексте.

Главное, чтобы интересно было. Ведь сам жанр романов про разведчиков и шпионов – это из разряда романов приключенческих. Приключения любят все. На это и рассчитываю. Будет ли потом продолжение? Посмотрим потом. Завтра!

С уважением, Александр Травников.

Книга первая

Дом на Белорусском

Пролог

Сейчас этого дома уже нет. А раньше был. Из этого дома можно было легко попасть на Белорусский вокзал. Или в метро того же имени. Можно было даже по подземному ходу. Минута, и ты уже на вокзале. Минута, и ты уже в метро. Но это не каждый день. Это по случаю.

Каждый день, это пешком, это по земле. Если из метро, то пешком, минуты три. Можно еще на троллейбусе подъехать. Или даже на машине. Прямо к парадному подъезду. Только редко. Это если член ЦК или Политбюро пожалует. Или если сам Председатель КГБ, Юрий Владимирович. Это действительно редко. И сразу видно. Обычно это черный «членовоз». Но это событие из ряда вон. Это целое событие. Лучше без этого. Это значит, что-то случилось. А кому это надо?

А так, повседневно, обычно, это когда, черные волги с затемнёнными стёклами заезжали через ворота сбоку. Ворота тут же закрывались. И всё. Что было и происходило в этом здании на Белорусском, никто не знал. Да и сегодня знают единицы. Что там сейчас, я и сам не знаю. Говорят, что уже и здания этого нет. Скоро возведут небоскрёб. Я не в курсе.

Но когда-то, в конце семидесятых, начале восьмидесятых в этом здании располагалась Высшая Школа КГБ СССР. В этом здании и в этой школе я учился. Об этом времени я и расскажу. Есть возможность. Есть просьба моих друзей и сокурсников, рассказать о том, как это было.

Конечно, я не расскажу про всё. Про всё то, как это было, и что это было. Но я расскажу про этот дом. И про то, что происходило в нём и вокруг него. Тем более, что такой дом был не один.

Но в моём доме были несколько факультетов. Я учился на восточном. Друзья учились на Западном факультете. Другие друзья учились на разведчиков. Но большинство – это будущие контрразведчики.

Вся разница, это язык. Язык, который предстояло изучать. Языков предстояло выучить два в совершенстве и один, как получится. Один, чтобы понимал, читал и переводил. Желательно без словаря.

Языки были все, какие только были в мире. Всё остальное было у всех одно и то же.

Мне повезло. Первого сентября 1978 года я узнал, что буду учить индонезийский, английский и итальянский. Все меня поздравляли. Завидовали. Наверное, они что-то знали.

Многим достались китайский, корейский, вьетнамский, суахили, фарси, дари. В общем, на выбор судьбы. Некоторые даже будут изучать язык аборигенов Австралии. Но они не унывали. Так как даже понятия не имели, что им предстоит изучать.

Логика, кто и зачем будет изучать тот или иной язык так и не обнаружилась. Зато логика того, что если ты учил в школе, даже специальной, английский, немецкий, или французский, то никаких шансов совершенствоваться дальше именно в этом языке не было совершенно.

И именно эта логика была очевидна. Всё с чистого листа. Все, что ты знал и умел раньше, забудь. Все будет по-другому. И это оказалось правдой. Истина действительно оказалась рядом. Мы просто этого пока не знали.

И это была главная тайна дома на Белорусском...

Часть I. Путешествие в лес

Глава I. Утро в разведроте

Разведроту полка ВДВ подняли по тревоге за 15 минут до подъёма. Приказ. Получить оружие. Построиться перед казармой.

Через пять минут, по полной боевой, Я стоял во главе своего взвода, который состоял всего из двух отделений, хотя и был всего лишь младший сержант.

Наш взводный командир пошел на повышение. Стал зам-комроты. Он собирался становиться капитаном и командиром разведроты. И всё потому, что командир роты должен был стать начальником разведки полка. Он потом им и стал. В общем, все, как всегда. Как в армии. Повышение по цепочке. Пока генералом не станешь.

Получен приказ выдвинуться на полигон. В пампасы. Марш-бросок 12 километров. Выход на три дня. Боевая задача, по прибытию на место.

Но все было не совсем обычно.

Рядом с командиром роты стоял начальник разведки дивизии. Он что-то тихо сказал командиру роты. И тут же последовали команды:

- Сержант Травников! Выйти из строя!
- Есть! – ответил Я, и сделал три шага вперед.
- Рота на право! Бегом марш!

И всё! Своих друзей по роте я увижу только через много, много лет! Даже своего командира роты. Он потом стал генералом. Но не в той уже армии, и не на той стороне. Чтобы не тянуть кота за хвост, скажу сразу, что это уже была первая аэромобильная дивизия Вооруженных Сил Украины. На момент событий, о которых рассказываю Я, это был 98 гвардейская, Свирская, Краснознаменная, ордена Кутузова, дивизия ВДВ Советской Армии. Служил я в разведроте 217 полка ВДВ, что в городе Болград, Одесского военного округа. Пошли последние полгода службы. Была середина апреля месяца.

Рота уже покинула расположение полка менее чем через минуту. И я остался один на один с начальником разведки дивизии. Соприкасались мы по службе редко. Но в лицо друг друга знали.

– Оружие сдать. Взять все свои документы и личные вещи. Форма одежды – полевая. Шинель с собой. Время на сборы – 15 минут. В 6—15 быть в Штабе полка. Кабинет начальника штаба.

– Есть!

В это время уже звучал сигнал подъёма. Полк просыпался. Рота разведки была уже по пути на полигон.

Я вернулся в казарму. Кроме дежурного по роте, и дневального на тумбочке, в казарме никого не было. Он удивился. Но вызвал старшего, чтобы он открыл ружпарк и я мог сдать оружие. Автомат Калашникова и пистолет Макарова.

Глава II. В штабе

В ВДВ обычно правило – все свою ношу с собой. Но тащить с собой шинель в апреле месяце, это было странно.

Дежурный по штабу даже не поинтересовался, куда и зачем я иду в столь ранний час.

Я поднялся на второй этаж, прошел мимо знамени полка и часового, и отдав честь, постучал в кабинет начальника штаба. Тут же открыл дверь

– Разрешите? – спросил я, войдя в кабинет, и опять отдал честь.

– Доброе утро! – ответил незнакомый мне капитан.

Форма на нём была тоже наша. То есть ВДВэшная. На это указывали эмблемы ВДВ защитного цвета. А так, все как у всех офицеров в советской армии. Сапоги. ПШ. Портупея. Кобура для ПМ на ремне. Полевая фуражка.

– Прошу, – сказал капитан. – Времени у нас мало. Вы поступаете в моё распоряжение. Перед выездом с КПП стоит УАЗ. Там сидит водитель. Идите туда, садитесь в машину, и подождите. Я сейчас буду.

В кабинете начальника штаба никого кроме капитана не было. Быть может, начальник штаба был где-либо на территории части.

«Может, его вообще в части не было? Но кто тогда открыл его кабинет?» – подумал я. – «И кто этот капитан, что так спокойно может распоряжаться кабинетом второго человека в полку?»

Времени на разговоры не было. И соотношение званий не предполагало дискуссии.

– Разрешите идти?

– Идите.

Я спустился вниз, и возле КПП подошел к машине. Она была одна. Других не было. Ошибиться было невозможно. За рулем сидел рядовой, который всем своим видом показывал, что всё, что происходит, его не касается.

Он даже не повернул головы, когда я открыл заднюю дверь, положил шинель на заднее сиденье и сел там же сам, захлопнув дверь.

Долго ждать не пришлось Капитан, с небольшим портфелем в руках, быстро подошел к машине, сел на переднее сиденье справа от водителя, и дал короткую команду:

– Табаки!

Глава III. Болград-Табаки – наш путь во мрак!

Табаки, это такая железнодорожная станция в Бессарабии, километрах в шести от Болграда и моей части ВДВ, которая в том самом Болграде и располагалась. Когда в ноябре 1976 года мы прибыли на поезде из Одессы ранним утром на эту станцию, до Болграда шли неровным строем под морозящим дождём.

Тогда все вновь прибывшие и впервые узнали любимую поговорку десантников Одесского военного округа. Болград – Табаки, наш путь во мрак!

Места эти были гиблые еще во времена Римской Империи. Это была окраина Мира. Это было за пределами границы той Империи. За Траяновым валом. На Запад была Европа. На Восток были скифы, мрак и неизвестность. И сегодня никто точно сказать не может, кто от кого оборонялся. То ли Запад от Востока. То ли Восток от Запада.

Отправляясь со станции Табаки в город Болград, для вновь прибывших, логика этой любимой поговорки десантников пока была еще за семью печатями. Хотя покров с этой тайны был снят достаточно быстро.

Если Вы хотите быстро покинуть это обетованное место на берегах озера Ялпуг, то путь из Болграда обратно в Цивилизацию, словно из Ада, всегда будет во мрак. Тут еще и густые утренние туманы. Идешь ли, едешь ли, всегда мрак. Того и гляди из тумана перед тобой предстанут авангарды римских легионов, или косматые скифы и сарматы на таких же лошадях.

Так получалось всегда. Просто так ли едешь? По делу? По тревоге? Всегда этот путь во мрак. Всегда ночью. Всегда в неизведанное. Всегда в приключения!

В этот раз всё было несколько не так. Десять минут на машине, и мы на станции.

Капитан, не выходя из машины, передал мне пухлый желтый пакет, который достал из кожаного коричневого портфеля. Из кармана вытащил проездные. Пояснил:

– В 16—00, прибыть в Особый Отдел Одесского округа. Там ждут. Всё! Вперёд!

«В Одессу, так в Одессу», – подумал я. – «В Одессе всегда хорошо. Особенно в апреле».

Как раз Я успел к отходу поезда. Билет у меня был в один конец. И что характерно, впервые мой путь из Болграда в Табаки не был во мраке. Хотя и было несколько грустно.

Ведь это получится всё? Доведётся ли вернуться обратно? Увижу ли друзей? Своих командиров? И что будет дальше?

Поезд шел окружными путями в Одессу. Сначала через Молдавию. Потом опять Одесская область. Медленно и с частыми остановками.

И если раньше, чуть свободная минута, то глаза закрывались сами по себе. Даже если это было в мчавшейся в пыли БМД или в самолёте, когда все спали напрочь. И только сигнал ревуна о том, что сейчас начнет открываться рампа самолёта для десантирования мог разбудить. То теперь спать вовсе не хотелось.

Только теперь я задумался о том, как так получилось, что после Одессы, я еду дальше, в Москву, в школу диверсантов. Тогда Я точно знал, и что если повезёт, то, может, и дальше буду учиться. Если конечно примут в Школу КГБ СССР. Но в том, что повезёт, сомнений не было.

Хотя всё самое значимое и решающее произошло несколько раньше. Я уже ездил пару раз в Одессу. Один раз на парад. Другой раз в Особый отдел округа, чтобы пройти за неделю специальную медицинскую комиссию.

Было это еще зимой. А всё самое интересное произошло еще раньше. В декабре месяце, 1977 года. Как раз перед выборами в Верховный Совет СССР.

Глава IV. Как стать шпионом?

Не знаю, как у кого, но на основании своего личного опыта, я точно уверен, что для того, чтобы стать шпионом, нужно две вещи. Первая, пойти учиться в вечернюю партийную школу. Вторая, нужно чтобы повезло. Первое получилось как то само собой. Так звёзды сложились. Зато второе, чистое везение.

Всем этим событиям с отправкой меня в диверсионную школу предшествовали совершенно на первый взгляд не существенные события. Меня вызвал к себе командир разведроты, капитан Бабич, Олег Ивановичи, тогда еще не генерал, и сказал, что я отправляюсь в город, в дом офицеров.

– Там всех собирает начальник политотдела. Я тут посоветовался в политотделе, и решил тебя послать.

– А зачем?

– Тебе не без разницы? – спросил командир.

– Не! В город, это всегда хорошо. Но интересно же.

– Нам сказали отправить трёх человек в вечернюю партийную школу. Нам с замполитом некогда, поэтому будешь два раза в неделю ходить один. Раз вечером, и один раз в воскресенье, днём. Там конспекты нужно вести. Вот будешь себе писать, что там, на лекциях рассказывают, и нам конспекты будешь писать. В общем, всё в трёх экземплярах. И отмечать будешь. Понял?

– Понял!

– Это я не понял?

– Есть! – ответил я.

– Во! А то понял, не понял? Собирайся давай. Сейчас вместе поедем. Мне вообще в Академию готовиться нужно, а тут вечерняя партийная школа. Зато, если не пойти, проблемы с поступлением будут. Поэтому, конспекты чтобы понятно писал. Они еще на политзанятиях

сгодятся. И вообще, политинформации по утрам делать будешь. Нечего просто так по городу шляться. У замполита тоже дел полно.

– А патрули? А вечером, если поздно?

– Во-первых, ты разведчик. Не попадайся. Попадёшься, я же тебя потом и накажу. Во-вторых, если что, скажешь, что идёшь или с занятий, или на занятия, и что учишься по приказу Политотдела Дивизии в партийной школе. Они сами от политотдела шугаются. Офицеры связываться не будут. Потом ни одного зачета не сдадут. И характеристику никто не подпишет. Ни какую. Даже плохую. Так, что все в курсе.

Вот так я снова попал в школу, и два раза в день стал ходить в вечернюю партийную школу. Народ в наряд, а я на занятия. Хорошо. Тем более в городе всё лучше, чем в части или в казарме. Там на занятиях сидишь спокойненько, без суматохи и нервов, слушаешь. Конспекты пишешь.

Правда, офицеры косо поглядывают на меня. Для них это как оброк. Напруга. Но им быстро разъяснили, что это разведка. Кого послали, тот и ходит. Он может быть в Рязанское училище поступать будет? Вот пусть здесь и готовится.

Я тогда и правда в Рязанское училище собрался поступать. Командир в Академию, а я в училище. Рапорт подал. Документы готовить стали. Всякие там характеристики собирать. Хотя из армии поступать было легче. Особый конкурс. Тем более, что в ВДВ все друг друга знают. Своих не сдают. Помогают. Поэтому шансы были вполне реальные.

Насчёт физо не беспокоился. Это легко. Сложнее было не просто поступить, а поступить в девятую роту. Роту, где учили иностранные языки, где готовили командиров спецназа, откуда был шанс попасть в ГРУ. Мы тогда всей ротой турецкий язык учили. Команды отрабатывали. На всякий случай. Типа:

– Дур!

– Эль дюрурум!

Для тех, кто не в теме, это – «Стой! Убью!»

Даже учебники турецкого были. Специальный офицер приходил из штаба, чтобы языком с нами, разведчиками, заниматься. Но мы все больше перед зачётами на товарища нашего надеялись. Он из Азербайджана был. Лучше всех турецкий знал. Практически, как родной.

Но к делу.

В условиях Бессарабского дефицита офицеров, мне даже довелось пару раз исполнять должность командира взвода, хотя и был я всего лишь командиром первого отделения первого взвода, и младший сержант. Но людей-то у нас во взводе всего 14 человек, и две БМД. Ребята все отличные. Практически все после учебки. Кто механик водитель, кто оператор наводчик. Тем более пошел второй год службы. Что тут командовать?

И мне повезло перед этим на учениях покомандовать сводной группой. Мы десантировались, и до Каховки дошли. Нас ловили, ловили. Не поймали. А мы мост условный взорвали, и пару установок надувных першингов по пути уничтожили. Еле нас потом нашли. Так хорошо партизанить было. Народ кругом добрый. Мы без погон, но с автоматами. Никто нас не сдал. Никто. А ведь искали, в прямом смысле с собаками. Не нашли.

Вот так и закрепились за мной роль командира. Сам так сказать вызвался. А командиром быть не сложно. Тем более, что за это и сержанта дали младшего. Командиром отделения назначили.

Всё просто и легко в Армии. Построил. Приказ отдал. И первым же выполнять. Иначе ребята не поймут.

В общем, приехали мы с командиром разведроты роты в дом офицеров. Это было воскресенье. Народ роптал. Но про себя. Зато мне хорошо. Нас пересчитали. Сверили списки. Завели учебный журнал. И всех тут же распустили, предварительно сообщив расписание занятий, и просили, если трудности будут возникать, то к замполитам обращаться. Они в курсе

и если что, помогут. Подскажут тем, кто что-то недопонимает. Оказалось, что в советской армии все всё отлично понимали.

Потянулись рабочие будни.

Все в полку и роте ужинать и отдыхать, а я вместо обеда и отдыха, на занятия. Потом еще и переписывать всё в трёх экземплярах. Ночью. Вернёшься с занятий, все спят. Умаялись и набегались за день. А ты сиди и пиши. Зато в воскресенье все на кросс, я на занятия. И до вечера. Потом по городу можно погулять без суеты.

Вот однажды опять вызывают в политотдел. Но не дивизии, а полка. Замполит полка мне говорит, что скоро для встречи с избирателями, в город Болград должен приехать личный друг Леонида Ильича Брежнева, самого генерального секретаря ЦК КПСС, начальник ГлавПура (Главного Политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота – 1962—1985), генерал-армии, Алексей Алексеевич Епишев, депутат Верховного Совета СССР от Одесской области.

– Есть мнение, чтобы представлял его на этой встрече кто-либо из десантников. Оденешься в парадную форму. Чтобы тельняшка была и голубой берет. Вот тебе текст выступления. Потренируешься. И пойдёшь завтра в Дом Офицеров. Там вас отбирать будут. Послушают. Посмотрят на вас. Я тоже буду. Почитай предварительно.

На следующий день в актовом зале, помимо политработников и гостей из Одесского обкома партии, собрались претенденты на выступление и представление депутата от Одесской области.

Вначале нам рассказали о степени доверия, которое оказывается. Потом о важности политического момента. Все это, где-то часа на два.

Затем началось прослушивание. Нас, таких, из кого планировалось выбрать, набралось человек 25. В порядке очередности по одному вызывали на трибуну, и народ зачитывал с чувством и выражением текст представления кандидата-депутата, страницы на три. Если помните, модно было тогда зачитывать с трибуны. Один читает, а все слушают.

Дошла очередь и до меня. Вышел я на трибуну. Положил выданный текст на трёх листах перед собой. И глядя в зал, всё содержание текста и изложил. Без всякого чтения.

Вначале все на эту мою выходку никто внимания не обратил. Потом поднапряглись. Затем стали внимательно приглядываться. Первым опомнился начальник политотдела полка:

– И что это значит?

– Как что? – ответил я. – Прочитал вслух текст. С выражением, как сказали.

– Я что-то не увидел, что ты там изложил. Тебе же читать сказали!

– Так скучно же читать, – нагло возразил я.

Тут вмешался начальник политотдела Дивизии:

– Давай еще раз. Щас тебя по тексту проверим. Ошибёшься, накажу.

Я еще раз изложил слово в слово, буква в букву выданный текст.

– И что с этим делать? – озадачился дивизионный начальник.

Тут кто-то из Одесского обкома вмешался:

– А что? Пусть попробует. Еще пусть потренируется. И оденется пусть попроще. Вот прямо из зала в берете выйдет, как бы случайно, и представит генерала.

Так и порешили. Сказали:

– Будешь рассказывать, а не читать. Только чтобы слово в слово. Не дай Бог, что, потом проблем не оберешься.

Я потом еще неделю отрабатывал это выступление.

И вот пришел этот день. В президиуме начальство и генералы. Много начальства и много генералов. Народу полный зал. Действительно полный. Что было до, уже и не помню. Помню, что объявляют.

Вышел я на трибуну, и все рассказываю про генерала. И где родился, и какие подвиги совершил, и какие награды получил, и за что. Смотрю, народ слушает. Внимательно слушает.

Краем глаза смотрю влево. Сам генерал армии Епишев тоже внимательно слушает. Слезу даже уронил. Не ожидал, что простой десантник так подробно и точно всё про него знает. Без всякой бумажки рассказывает.

Закончил. Все хлопают. Все встали. Генерал вообще расчувствовался.

Только я с трибуны в зал собрался уходить, тут меня генерал-лейтенант Близнюк, начальник политуправления ВДВ, заместитель Василия Филипповича Маргелова, командующего ВДВ, к себе подзывает:

– Стой за кулисами. Жди!

Стою. Жду. Подходит Епишев. Здравается за руку. Говорит:

– Молодец! Хорошо выступил. Коммунист?

Тут за меня слово вставил начальник политотдела дивизии:

– Кандидат в члены партии, заявил, не моргнув глазом. Вечернюю партийную школу заканчивает.

– А где билет кандидатский? Давайте сейчас я и вручу, при всех.

– На следующей неделе будем вручать. Еще не все готово.

– Отлично. В военное училище пойдешь? – это уже ко мне Епишев обращается.

– Собирался в рязанское.

– Да? – и тут же. – Близнюк! А ну возьми на контроль.

– Есть! Мы его во Львовское политическое училище направим.

– Вот и хорошо, – заявил генерал армии.

Определив моё будущее, делегация потянулась с другими беседовать.

Близнюк меня в сторонку отвел. Подозвал и начальника политуправления дивизии. И еще кого-то из свиты. Начал уточнять, чтобы поручение выполнить.

И случилось совершенно непредсказуемое. В наш разговор вклинился начальник особого отдела Одесского военного округа, генерал Соловьев.

Я знал, что он когда-то служил в Германии после войны, вместе с моим дедушкой. Дедушка мой, полковник Сибирко, Александр Пантелеймонович, после войны был комендантом округа Гера. Соловьев был у него начальником особого отдела. Так и дружили они семьями. Когда я маленьким был, мы к ним в Одессу в гости ездили. На море.

Начальник особого отдела округа и вмешался в наш разговор:

– Он будет учиться в Высшей Школе КГБ СССР, – заявил он. – Уже и проверку прошел. Да и с Обкомом согласовали.

Сопровождавший из Обкома закивал головой. Мол, так всё и есть.

– Ну если так, то я пойду, доложу Епишеву, – сказал Близнюк. – Пока не ушел.

И ведь доложил.

А Я что? Стою и жду. Жду, что генералы решат. Кто меня спрашивает?

Нужно уточнить, что в своё время Епишев сам был заместителем Министра государственной безопасности СССР по кадрам. И потому с органами никогда не спорил.

Епишев выслушал доклад Близнюка, и вновь вернулся ко мне:

– Что? В КГБ пойдешь?

Я прямо оторопел. Что тут ответить? Сплошные сюрпризы.

– В общем, так! – заявил генерал армии. – Если не поступишь, пойдешь в политработники. Всем всё понятно? Я проверю! Близнюк! Возьми на контроль! И напomini мне, как дела развиваться будут.

Вот так, совершенно случайно, я узнал, что меня отправляют поступать в Высшую Школу КГБ СССР, о которой я тогда ничего не знал. Да и никто не знал. И что отправляют, тоже не знали. Думаю, до этого дня, никто и не предполагал, что всё так получится.

Все это было неожиданно. Но обратной дороги уже не было.

Через неделю было партийное собрание в части. Мне дали, мои командиры, рекомендации, и через неделю я уже был кандидатом в партию. Прямо в политотделе дивизии, сам начальник политотдела и вручил мне кандидатский билет.

Зато теперь я знал, что скоро поеду в Москву на учебу в КГБ. Но даже малейшего представления о том, что это такое я тогда не имел.

Оно и понятно. Блат, как говорили в советские времена. Я и в ВДВ попал по благу. Хотел в ВДВ и попал. Дедушка договорился. И аэроклуб я уже к тому времени закончил. С парашютом прыгал. Правда, в разведроту уже как то сам постарался. Стрелял, наверное, хорошо.

Глава V. Дорога в школу за знаниями, в лес

Пока поезд вез меня в Одессу, удаляясь от Болграда, я вспоминал о том, как получилось, что вместо того, чтобы поступать в Рязанское Воздушно-Десантное Училище или во Львовское политическое, я отправлялся в Москву поступать в Высшую Школу КГБ СССР.

Если честно, то тогда я даже малейшего представления не имел, что это такое. Чему там будут учить? И чем я буду заниматься потом? Важно было, что все, что было тогда связано в этом учебным заведением, было покрыто страшным мраком. Напущено туману. Зато однозначно и точно было ясно, что это интересно. Что игра стоила свеч. И это предполагало практически продолжение моей службы в разведроту ВДВ. Только на другом уровне. И еще интересней потому.

В Одессе я явился в Особый отдел, получил указания, и почти всю неделю жил у родственников в городе. Ждал команды. Когда команда поступила, сел в поезд, и он повёз меня в Москву. Приехал я в Москву практически на майские праздники, и три дня сидел на квартире у брата.

Хорошо сидеть, и ничего не делать. Телевизор. Книга. Ванна. Как сейчас, помню, книга была про художника Ван Гога. Но это на одну ночь. Книгу проглотил за одну ночь. Зато днём выспался. И в город не пошел. Хорошо одному сидеть в квартире. В Москве. И никуда бежать не надо.

Оно как получается. Как на службе, спать всё время хочется. Как спи – не хочу, так спать и не хочется. Зато книжек начитался. Журналов разных. Больше у меня таких свободных дней никогда уже в жизни не было. Никогда. Дальше началась гонка по вертикали.

В шесть утра, в понедельник, я отправился на метро в центр Москвы. Я точно знал, во сколько и на каком месте я должен стоять и ждать, когда подъедет некий мифический автобус с занавешенными окнами. Знал. Ждать никто не будет. Если опоздал, заплутал, всё. Стратил. Второй попытки не будет. На этом всё путешествие моё бы и закончилось.

Не опоздал. И место, где следовало ждать, тоже нашел легко. Тихий, сумрачный переулочек. Нужный номер дома. В переулочке практически никого нет. Я один. Стою и жду.

Точно к указанному мне времени, из-за угла выехал небольшой автобус желтого цвета. Он не опоздал ни на секунду. Все окна в нём сбоку и сзади были занавешены. Поэтому понять, есть ли кто в нём, было невозможно.

Автобус плавно затормозил. Открылась передняя дверь. Я тут же зашел в автобус и дверь закрылась.

– Здравствуйте! – зайдя в автобус, поздоровался Я.

– Здравствуйте! – с одного из сидений поднялся единственный человек в форме, форме пограничника и в зелёной фуражке, с погонами прапорщика. – Ваши документы!

Я предъявил военный билет. Прапорщик внимательно его изучил. Тщательно сверил всё с бумагой, которая была у него в другой руке. Еще раз внимательно посмотрел на меня, снова на документ, и спросил:

- Вам куда?
- На 101 объект.
- Проходите.

Прапорщик вернул мне документы и, пропустив меня в салон автобуса, сел на своё место. Тут же последовала его короткая команда водителю:

- Всё в порядке. Поехали.

Автобус тронулся. Я огляделся. В автобусе уже сидело несколько человек. Кроме меня и прапорщика все были в гражданском. Любопытства никто не проявлял. Люди сидели, погрузившись в себя. И если бы не занавески на окнах, все бы отвернулись, чтобы смотреть в окно. Но это было невозможно. И потому, все делали вид, что всё, что сейчас происходит, никого и ни как не касается.

Вначале полчаса кружили по центру Москвы. Автобус останавливался. В него заходили по одному люди. Ясно было, что многие друг друга знают, так как ограничивались, входя в автобус, приветствием в виде взаимного кивка головы.

Но каждый, войдя в автобус, тут же, молча, предъявлял прапорщику документы. Тот внимательно изучал их. Вновь сверял всё со своим списком. И, также молча, кивком головы приглашал проходить и присаживаться.

Никто, ни с кем за руку не здоровался. Все сидели молча.

На ремне у прапорщика висела кобура. Тяжело висела. Ясно было, что он с оружием. С оружием на поясе был и водитель автобуса. Хотя и одет он бы как обычный водитель. И что характерно, в кепке. Он был сосредоточен только на движении автобуса по ему одному известному маршруту.

Через полчаса стало ясно, что мы вышли на трассу. Еще через час оказались в густом подмосковном лесу. Честно говоря, я и понятия не имел, ни куда мы едем, ни куда мы приехали.

Оказалось, что мы стоим уже в лесном массиве за высоким зеленым деревянным забором, обнесённым изнутри рядом колючей проволоки на столбах. За автобусом были закрыты такие же, как и забор, зелёные ворота. Но и вперёд ехать было некуда. Там шлагбаум и часовой с автоматом.

Перед открытой дверью автобуса стоял еще один встречающий человек с автоматом, одетый в привычную мне десантуру. Все вышли из автобуса и потянулись в проходную, где опять шла очередная тщательная проверка документов.

Это потом я узнал, что система проверки документов всегда была очень строгой. Можно было попасть на тот или иной объект, только имея специальное разрешение, только после сверки документов с допуском именно туда, куда тебе было позволено попасть. И отменено разрешение на проход могло быть в мгновение ока. Час назад тебя бы пустили. А теперь нельзя. И личное знакомство дела не меняло.

Я вышел последним. Я был в шинели с эмблемами ВДВ и голубом берете. Человек в десантуре и с автоматом, молча, потянул мне руку открытой ладонью вверх. Я отдал ему пакет и свой военный билет. Он улыбнулся, и сказал:

- Пошли.

Я пошел за ним.

В одноэтажном здании был пропускной пункт, и за комнатой дежурного, за турникетом, еще одна большая комната со столом, стульями, голыми стенами и опять окнами с задвинутыми занавесками. Единственный признак цивилизации в комнате – на столе графин с водой и гранёным стаканом рядом.

Человек с автоматом отдал мой военный билет дежурному, а сам с пакетом ушел. Я остался один в комнате и стал ждать. Ждать пришлось долго.

Один раз открылась дверь, и в комнату заглянул человек в лётной кожанке, сапогах и военной фуражке лётчика. Я встал. Заглянувший в дверь внимательно посмотрел на меня. Закрыв дверь. Слышно было, что он кого-то о чём-то спрашивает. Потом опять открыл дверь, и еще раз внимательно посмотрел на меня.

Это потом я узнал, что это был сам начальник КУОС, знаменитых курсов усовершенствования офицерского состава КГБ СССР, то есть самый главный начальник школы диверсантов КГБ СССР. Практически главный диверсант Советского Союза, полковник Бояринов, Григорий Иванович. До этого он воевал в Отечественную. Он потом командовал «ЗЕНИТОМ». Стал Героем Советского Союза, погиб при штурме дворца Амина в Афганистане. Так получилось, что я был один из тех, кто стоял у его гроба, когда его привезли из Афгана. И был тем, кто его нес.

Тогда, в мае 1978 года его, наверное, заинтересовал мой голубой берет и тельняшка. Ведь в ВДВ традиция. Это ты в части без голубого берета и через КПП в фуражке или ушанке проходишь. Как за порог, извольте. Берет и тельняшка. И ведь никто эту традицию так и не смог отменить.

Лично и более близко мы с Григорием Ивановичем познакомились в другой раз, в другом месте и при других обстоятельствах. При отработке навыков минно-взрывного дела и при обучении подрыву железнодорожных коммуникаций противника. Но это точно в другой раз расскажу.

Ждать мне пришлось долго. И потому утолю естественное любопытство читателя. Да. В комнате была еще одна дверь.

Естественно заглянул. Полюбопытствовал. Обыкновенная санитарная комната. Умывальник. Душ. Туалет. Чистое полотенце. Мыло. Целый кусок. И туалетная бумага. Но это так себе. Сюрприз для иностранного читателя. Не то подумают еще, что в те времена в СССР ничего не было. Сплошной дефицит. И газета «Правда» или «Советская Россия» в туалете, вместо рулона туалетной бумаги.

Все как везде. Но скромно. И чисто.

Через пару часов пришел офицер. И, уже ничего не спрашивая, пригласил меня следовать за собой. Когда выходили, человек в десантуре и с автоматом приветливо спросил меня:

– А что Бояринов заглядывал?

– Кто? – спросил я.

Он удивился. Но также приветливо сказал мне:

– Ещё узнаешь. Добро пожаловать к нам!

Так я узнал первую фамилию человека из КГБ СССР в Москве и из Высшей Школы КГБ СССР. Тогда я еще не знал, что это была живая легенда. Что я уже в том самом месте, где до меня учились многие легенды из мира разведки и контрразведки. Многие, кого знали только в лицо. Или только после посмертного присвоения звания Героя Советского Союза. Как, например, Бояринова, Григория Ивановича, или Николая Ивановича Кузнецова.

Пока же это был для меня и многих моих будущих товарищей огромный лесной массив за высоким зелёным забором в недалёком Подмосковье.

Глава VI. Прогулка в лесу

Конечно, сейчас, с помощью телефона и калькулятора, я спокойно смогу посчитать гектары этого заповедного леса. И как говорится, ГУГЛ в помощь. Но не буду этого делать.

Лес, огороженный в лесу зелёным забором и колючей проволокой, был огромен. В лесу мы жили. В лесу учились. В лесу стреляли. В лесу, бегали. В лесу устраивали засады. В лесу учились взрывать. В лесу собирали грибы. В лесу собирали землянику. В общем, всё в лесу.

И ни мы никого не беспокоили. Ни нас. Нас, это тех, кто попал, если можно так сказать в начальную школу диверсантов КГБ Советского Союза.

От КПП дежурный офицер повел меня по дороге в лес. Шли минут 10. Пока не оказались перед стандартным советским трехэтажным зданием с зелёной крышей. Таких зданий много. Рядом стояли тентованные шишиги (ГАЗ-66) со знакомыми эмблемами ВДВ сзади и спереди. Если бы пошли прямо, то попали бы в столовую. Но это еще с километр ходу.

Мы пошли налево. И минут через пятнадцать ходу, сосновый лес с густым подлеском раздался в стороны, и мы оказались на большом плацу. С одной стороны плаца деревянные зелёные домики. Это казармы. И с другой стороны такие же зелёные деревянные домики. Это оказались учебные классы.

Всему этому лесному домостроению не иначе лет за 50. Значит, они построены до Войны. Значит, именно здесь учился Николай Иванович Кузнецов. И может, еще кто? Никто теперь и не знает.

Зато всё покрашено свежей зелёной краской. Классическое одноэтажное деревянное зодчество для диверсантов. Вокруг природа. Свежий воздух. Настоящий курорт и место для укрепления здоровья. И за то время, что мы добирались, мы не встретили ни одного живого человека. Не проронили ни одного слова. Только птицы пели уже вовсю.

Офицер завёл меня в крайний домик. Там нас встретил дежурный по казарме. Оказалось, что в этой группе я был последний, кого ожидали. Полный комплект.

Ждать пришлось не долго. Скоро вернулись в казарму её обитатели. И я тут же познакомился с теми, с кем расстанусь через два месяца, через три, через четыре, а с кем вместе закончу Высшую Школу КГБ через пять с лишним лет, и нам на Красной Площади вручат погоны лейтенантов КГБ СССР.

Глава VII. Главный секрет подготовки советских диверсантов

Вы думаете, что попав в КГБ, Вас будут сразу учить метать ножи, стрелять навскидку, водить Мазерати? Как бы ни так! Все оказалось запредельно просто и совершенно по-другому.

Опыт подхода к обучению и приобретению навыка в ВДВ у меня уже был. Помню, готовились к показухе. Обещали, что приедет сам командующий ВДВ, Василий Филиппович Маргелов.

Дали две недели на подготовку. Еще дали пилы, топоры, гвозди и руководящие указания. Доски сказали искать самим. Кроме того, выдали штык-ножи от СКС и МСЛ (у нас были складывающиеся, они хороши для рукопашки, но не для метания).

Согласно указаниям, следовало идти в ангар, где надо было изготовить стенды для метания, и, не отвлекаясь на мелочи, научиться метать всё, что можно метнуть. Заодно поручили и предложили под свою ответственность придумать что-либо такое, что произвело бы неизгладимое впечатление на гостей.

Все задачи были решены точно в срок. И даже сценку придумали.

В день приезда гостей все идеи и приобретенное мастерство были продемонстрированы по-полной.

Стоит часовой. Охраняет расставленные щиты. Гости смотрят. Я крадусь к часовому со спины и со всей силы кидаю в него штык-нож от СКС. Есть. Лезвие с ужасным резким звуком входит в часового. Часовой падает. Падает, молча, и лежит. В спине нож точит. Все гости и командиры в ужасе.

Тут из-за забора выскакивают мои товарищи во всеоружии, мы за кирпичным забором типа батута поставили, и прямо в полёте они стали поражать мишени ножами, топорами, лопатами.

Потом бабахнули взрывпакетами. Типа ШИРАС (Шашка имитирующая взрыв 76 мм., или снаряда от пушки-трехдюймовки). Постреляли холостыми. Пока шум, да гам, часовой, это в которого я ножом попал, исчез в дыму. Всех делов, на атаку – едва ли пара минут.

Все в шоке. Где часовой?

– Травников! Ты что творишь?

– А я что? Сказали, поразить всех гостей. Мы и поразили. Задача решена. Все цели уничтожены. Всем понравилось?

– А что с часовым? Ты что? Ты его убил?

– Да нет. Мы ему под одежду на спину толстую доску прикрепили. Я точно в неё и попал.

– Где он?

– Ща придёт.

Пришел бывший часовой. Целый и невредимый. Только в спине до сих пор штык-нож торчит. Он ходит и всем показывает. Как всё началось, часовой, под шумок, отполз подальше, чтобы под случайную лопату не попасть. Так теперь и ходит, ждёт, когда всё закончится. И его похвалят и вознаградят за смелость. Так на поле боя всё гремело и полыхало, что никто его манёвра по уползанию и не заметил.

Вместо благодарности, нам сказали, что это уже слишком. Проверяющие гости не то, чтобы в восторге. Они в ужасе. Они еще и иностранцев с собой привозили. Из стран временных союзников – из Варшавского Договора начальников.

Так вот, в программе диверсионной подготовки в первые два месяца, ничего такого не было. Вся программа обучения и подготовки более чем скромная и неожиданная. История СССР, всемирная история, русский язык и литература, иностранный язык, по принципу, кто какой язык в школе учил. В первой половине дня четыре пары. После обеда и до ужина еще 3—4 пары самоподготовки с участием преподавателей.

Каждый день сочинение. Каждый день лекция. И в чём разница между занятиями и самоподготовкой в классах после обеда, я и сейчас не знаю. Хотя нет. Знаю. Преподаватели были другие.

Практически все преподаватели – офицеры. От лейтенанта и до полковника.

После ужина и до отбоя, тоже поработать над собой, можно почитать книжку или учебник. В каждой казарме своя рабочая библиотека. Причём книг много. Всё классика. Пушкин, Лермонтов, Николай Толстой, Иван Тургенев. По несколько экземпляров, чтобы любому желающему хватило.

К слову, все учебники в КГБ были свои. То есть издания Высшей Школы КГБ СССР. Свои преподаватели. Свои учебники. Свои авторы учебников. Всё своё.

Про спорт тоже никто не забыл. И не мечтайте. Но это мимоходом, между учебников по литературе и истории. Каждое утро зарядка и кросс на километр. В субботу на 3. В воскресенье на 5 километров. И нормативы через день на турнике сдавать. Подтягивание. Подъём переворотом.

В перерывах между парами, можно в лесу погулять. Воздухом подышать. И когда в столовую, на завтрак, обед и ужин тоже прогулка. Туда бегом. Кто первый, может покурить, пока остальные подтянутся. Я, правда, не курил. Хотя прибежал одним из первых.

Обратно шагом и строим.

В субботу баня. В воскресенье кино в главном корпусе. Иногда сразу два фильма. Все фильмы про разведчиков и войну. Но на кино все повально спали. Никто и не мешал. И ни каких телевизоров, газет, журналов. То есть никакой свежей прессы. Только политинформации на пять минут. В основном сюжеты из жизни КПСС и очередной этап загнивания Запада.

Так пролетели два месяца с занятиями с 6—00 утра и до 22—00 ночи.

Вот такая вам секретная программа подготовки советского диверсанта КГБ СССР. А вы как думали? Так именно всё и было.

Кому не понравилось, можно было оказаться. Домой в тот же день отправят.

Норматив промежуточного контроля – наизусть 50 стихотворений русских и советских поэтов по рекомендованному списку. Есть правда рекомендация. Желательно столько же на свой выбор выучить. Пригодятся. Каждый будний день сочинение в первой половине дня, и его разбор во второй половине, на самоподготовке.

Это я уже сейчас с благодарностью вспоминаю. Вроде всё это в обычной школе уже учил. Но теперь все по-другому. Причём лекции более чем интересные.

Последние пять дней обучения – каждый день контрольные и сочинение. Оценки и разбор. Причём, детальный и по делу.

Часть II. Колесо Сансары

Глава I. Экзамены? Это легко!

ЕГЭ тогда не было. Желаете поступить в высшее учебное заведение, милости просим. Сдаёшь документы, экзамены, и добро пожаловать. Конечно, оценки в аттестате тоже кое-что значат, но это вторично.

Это потом уже, когда мы поступили в Высшую Школу КГБ СССР и переехали в Дом на Белорусском, нам сказали, что по факту средний конкурс на поступление у нас, в ВКШ КГБ СССР, с учётом всех составляющих, вышел 136 человек на место. Сможете себе сейчас это представить?

Лично Я и сейчас не смогу. И через пять лет учебы, по разным причинам, школу КГБ закончат менее половины из тех, что поступят. Об этом мы тогда тоже еще не думали. Незачем. Да и некогда.

Думали мы вначале о том, чтобы допустили к экзаменам. И потому учились, учились и учились, как это завещал тот, кого Вы и сами знаете. Если конечно не забыли. Я имею в виду В. И. Ленина. Ему этот лозунг приписывается.

Два месяца учебы прошли как один день. Следовало сдать всего четыре экзамена:

- Русский язык и литература – сочинение.
- Русский язык и литература – устно.
- Иностранный язык.
- История СССР.

Пять дней подготовки к экзамену. День на экзамен. День – подведение итогов и объявление оценок. И так, четыре раза подряд.

Готовишься, сдаёшь.

Готовишься, сдаёшь.

Готовишься, сдаёшь.

Готовишься, сдаёшь.

Если по-честному, то ничего особо сложного. Главное, подойти к экзамену творчески.

Набор тем сочинений, если поразмыслить, то он ограничен. Потому я написал сочинение на пять. Правда, несколько схитрил. Но прокатило.

Нет! Никаких шпаргалок. С этим строго. Даже никто на эту тему не шутил. Предупредили, что это всё. Крест на поступлении. 24 часа на вылет.

Поэтому лично Я сочинение написал ещё на стадии подготовки несколько штук на разные темы. Их, написанные каждым сочинения, конечно разобрали по слогам и буквам с преподавателем. Сделаны были замечания. Исправлены ошибки. Указаны акценты для более полного раскрытия темы.

Повторил то, что писал до этого, при написании в другой раз, на другом занятии. Разобрали всё ещё раз. Ошибок не было. Замечания и рекомендации еще были. Повторил еще раз. Так набралось у меня пять базовых образцовых сочинений по разным темам.

И не ошибся. Попал в точку. В качестве темы сочинения можно было выбрать написание его так же и на свободную тему. Выбрал я на радостях тему сочинение про разведчиков. Она была типа свободной. Про Рихарда Зорге. По книге «Кио Кумицу. Совершенно секретно – при опасности сжечь» (1970) Юрия Королькова.

Книгу читал. Сочинение уже писал. Несколько раз. Его проверили. Ошибки исправил. Тему подкорректировал. Потом взял, и выучил это сочинение наизусть. Запомнил каждую точку и запятую. Поэтому за сочинение был теоретически спокоен.

Сел. Тема подошла. Написал. Проверил. Еще раз проверил. Сдал. Пошел ждать. На другой день получил пять. И понеслось.

Русский язык и литература, это еще проще. Хочешь пять, дополнительный вопрос экзаменаторов. Выбирают они из обязательного списка стихотворение наугад. Рассказываешь. Потом одно по своему усмотрению, но не из списка, а произвольно. Снова пять.

Английский тоже не проблема. Тема выучена. Вопросы стандартные. Перевод письменный, текста – и того проще. Главное, сильно не умничать. Принимают те, для кого язык родной. И в прямом и переносном смысле этого слова. Но это издержки профессии, наверное. Правда, сказали, что произношение у меня своеобразное. Непонятно какое. Наверное, южное традиционное «Г» сказывалось. Но и здесь пронесло. И снова пять.

История – и вовсе легкий экзамен. Даты. События. Действующие герои лица. Суть событий. Последствия.

Так, что через 20 дней четыре раза по пять. Но я такой не один. Тройка – это редкость. Проходной бал известен. Но оказалось, что он разный на разные направления учебы и факультеты. На четыре года учебы один балл. На другие разные факультеты, баллы разные. Опять и снова нервотрёпка.

И вдруг, вводная:

– Согласно списка, срочно явиться в учебный класс.

Прибыли. Разместились. Ждём. Набралось нас человек 50 таких, которых пригласили. Пришел неизвестный нам генерал. В форме. С генеральскими погонами. Это было в диковину. Генерал – это редкость. Особенно в КГБ. Значит дело серьёзное и ответственное.

Он сообщил нам приятное известие:

– Вам товарищи предстоит сдать еще один экзамен. Географию. На подготовку три дня.

Тут же раздали учебники и пособия. Готовиться нужно было к экзамену самостоятельно. Три вопроса по билету. Один вопрос устно, какой придёт в голову группе экзаменаторов.

Заходили по одному. Во главе стола тот самый неизвестный нам генерал.

Берёшь билет, и сразу отвечаешь. Времени на «подумать», только когда вопрос зачитываешь вслух. И вперёд. Оценку ставят сразу, при тебе.

Здесь тоже пять получил. На этом экзамене почти все на «отлично» ответили.

Не помню, кто какой слух пустил, но все остальные, кто такого экзамена не сдавал, смотрели на нас, тех, кто географию сдавал обморочно и как-то странно. Что-то их озадачивало и напрягало. Что-то было не так, так как было всё неожиданно. И для нас. И для окружающих.

– Как это так? Почему им еще один экзамен? А мы?

Секрет с пятым экзаменом потом разрешился. Примерно через месяц. Уже в первый день в Доме на Белорусском. Он, секрет этот, был прост до безобразия. Оказалось, что это разведка, или как тогда – Первое Главное Управление КГБ СССР. Она, или оно, это и придумали. Порешили еще одно препятствие и отбор дополнительный исключительно для себя провести.

Теперь все ждали решения мандатной комиссии. Вот это было самым тревожным. Делать теперь было нечего. Все просто ждали. Умно рассуждали. Но никто, ничего не знал наперед.

Казарменную дисциплину никто не отменял. Просто сидели в пустых классах и болтали просто так.

Так прошли три дня. На четвертый день началось. Закрутилось колесо следующего уровня.

Глава II. Мандатный фильтр как Колесо Сансары

Очередь – это то еще наследие социализма. Кто не стоял в советской очереди, тому трудно будет представить описываемое событие воочию.

Однако в этот раз это была особая очередь. И по существу, и по содержанию, и по своему виду со стороны.

В главном трехэтажном здании в Лесу заседала мандатная комиссии КГБ СССР. Она сидела в огромном зале за накрытом красным кумачём, длинным столом. На стульях сидело полтора десятка или даже полторы дюжины начальников и ветеранов с медалями.

В зал пускали по одному. Дверь открывалась. Из зала выходил один. За ним выходил офицер, который сопровождал вышедшего из зала в другую комнату и тут же возвращался обратно, и другой – со списком в руках. Он снова и снова зачитывал звание и фамилию очередного претендента на поступление.

Самым примечательным и запоминающимся в этом действе была очередь людей в разнообразной форме советской армии и флота. Очередь шла длинной змеей от двустворчатой, белой деревянной двери в зал. Обратно по коридору до центральной лестницы. Затем по лестнице она шла вниз, со второго этажа на первый. Выходила на улицу. Далее шла по плацу. И хвост этой змеи удалялся далеко в лес.

Такой порядок в очереди лично Я видел в своей жизни еще только три раза. Все три предыдущих моих опыта стояния в такой очереди были связаны с Мавзолеем Владимира Ильича Ленина.

Первый раз, когда я был еще маленьким и с мамой ездил в Москву к дяде Коле и тётё Нине. Дядя Коля был танкистом. Горел в танке. Награждён двумя орденами Славы, и считал, что единственная решающая сила на поле боя, это танк. Мы все – Я, мама, дядя Коля и тётя Нина – пошли на Красную Площадь, и там состоялось моё первое знакомство с очередью в Мавзолей В. И. Ленина.

Второй раз это было после того, как я поступил в Высшую Школу КГБ СССР. Там тоже стояли в очереди. Но специальной. Двигалась она быстро. Чужих не было. Площадь оцепили. Были все свои.

Третий раз – это уже когда там же, на Красной Площади, нам вручали дипломы и погоны лейтенантов. Там тоже был порядок. Как обычно, порядок в виде организованной очереди. Традиционный, в общем, порядок. Привычный. Всё, как положено.

Очередь в эту мандатную комиссию в Доме в лесу была чем-то по своему внешнему виду схожа только с очередью в Мавзолей. Тот же строгий порядок и дисциплина. И главное, ответственность момента. Только двигалась очередь очень и очень медленно. Запускали по одному. И потому продвигалась она последовательно, рывками, максимум на метр за один раз.

Кто знаком с работой старинный часов с маятником и гирями, тот меня поймёт, как двигалась эта очередь.

Раз!

Провернулось колесо с острыми зубьями.

Раз!

И еще один шажок.

И ещё.

Только очень всё медленно.

И всё же – это было не колесо времени, а колесо Сансары. Колесо судьбы. Всех нас отцы-наставники и командиры выстроили друг за другом, по фамилиям, согласно таинственных списков, нам неведомых.

Первым поставили тех, кого мы еще не знали. Оказалось, что это так называемый рабфак. Ребята, которые учились целый год до нас в Москве. Они шли первыми. Их было много. Они и появились только перед мандатной комиссией, рано утром. И вначале бродили по лесу, как неприкаянные. Пока не началось.

Их приняли всех. Для них это была чистая формальность. Но шанс пролететь мимо был и у них. Парочка так и сделала. Почему? Не знаю.

Я оказался в очереди прямо перед дверью в здание лесного штаба. После рабфаковцев шли суперотличники. Те, что имели не только пятерки на экзаменах в лесу, но и аттестаты со всеми пятерками. И даже по поведению. С медалями. Золотыми и серебряными.

Потом целевики. Кто такие, не знаю, но, наверное, с заслугами. Ордена, медали, папы там. В общем, нужные люди.

Ну и потом мы. В порядке списка выстроенные друг за другом.

Поговаривали, что на наш факультет возьмут 117 человек. Оказалось потом, что взяли 136. Но очередь была общей. На все факультеты. На всю дюжину номеров.

Через пару часов пришел мой черед. Зашел. Представился. Стою посередине зала, перед комиссией. Рядом с основным еще один столик со стопками папок личных дел. Из-за этого столика встаёт офицер. Берёт папку сверху, очередную, которая исключительно про меня информацию содержит. Докладывает комиссии:

– Кто Я?

– Откуда?

– Кто рекомендовал?

– Кто поручился?

– Как сдал экзамены?

– Партийная характеристика, так как кандидат в партию.

И своё предложение кадровик из центрального аппарата КГБ СССР вносит:

– Предлагаю, принять в Высшую школу КГБ СССР.

Смотрю, полковник мне знакомый, который Григорий Иванович Бояринов, мне помогает. Думаю, что это к добру. Кто тут еще из своих? Из ВДВ? Больше никого и не видно.

Как оказалось потом, это я поспешил с выводами. Там еще и ветераны были, которые в тыл к немцам прыгали. Но как сразу определишь? Не в тельняшках же они были на комиссии?

Рекомендовали меня принять и определили непонятно куда. То ли в разведку, то ли в контрразведку. Нас, как выяснилось потом, таких 32 человека оказалось. Но для начала всех, таких как Я, определили на факультет разведки. Потом пару раз еще перетасовали. То в разведку, то в контрразведку. По другому критерию, оказывается, движение это было. Но вся разведка, как я узнал потом, пятым экзаменом географию сдавала.

Тут же и поздравили меня с зачислением в Высшую, Краснознамённую Школу КГБ СССР, имени Феликса Эдмундовича Дзержинского. Председательствующий генерал поздравил. И отправили меня ждать дальнейших указаний. В зал запустили следующего.

Тех, кто выходил из зала, сразу же сопровождающий офицер отводил в другую комнату в конце коридора Лесного дома, подводил к нашим будущим командирам и нашему будущему начальнику курса. Тут же уходил за другим поступившим.

Ты снова представляешься. Твой новый начальник говорит, куда теперь тебе идти. К кому обратиться. Вернее, еще проще. Просто говорили, кому, куда и в какой домик и с каким номером идти, и ждать либо в классе, либо перед домиком покурить, но далеко не расходиться. Сказали, что можем теперь знакомиться друг с другом.

– Вам теперь, – сказали, – надолго быть вместе.

Кстати, мандатную комиссию после рабфаковцев прошли тоже не все. Один или два сразу не прошли. Один точно не прошел потому, что когда сказали на какой он факультет идёт, он сразу же возразил, что туда не хочет, а хочет только туда, куда ему нужно.

Ему сказали спасибо за принципиальность и честность. И прямо там – на комиссии – отказали в приёме. А после, сопроводив за вещами, тут же отправили из леса, нам остальным уже неведомо куда.

Еще один прямо там на комиссии сказал, что он вообще не туда попал. И учиться здесь не желает. Ему и дома, в Москве, на гражданке хорошо. Его просьбу тоже уважили. Сказали спасибо и тоже отправили домой.

Однако обидно было и тем, которые оказались в последней трети очереди. В один момент очередь остановилась совсем. Комиссия посовещалась немного, и впустили еще трёх человек. Им, троим только, и повезло. Их взяли. Остальным сказали построиться перед Лесным домом. – Я эту процедуру откуда знаю? – спросите.

Все просто. Пришел я в учебный домик со своим номером. Там классы со своими внутренними номерами. Номера на углу домиков и на дверях классов на белых листках бумаги краской были написаны и прикреплены обычными железными кнопками.

Меня определили в третий домик, в четвёртый класс. Там Я был вторым, после Серёги Орлова. Как только третий пришел, Женя в морской форме (контр-адмирал сейчас), нас тут же обратно в штаб отправили помогать всяко-разно и на подхвате, на смену другим, которые уже пару часов там помогали, из числа первых зачисленных.

Вот эту всю процедуру мне и посчастливилось потому лично и воочию и увидеть со стороны и изнутри процесса. Пока на мандатку в очереди стоял, и пока по штабу носился со всякими разными поручениями.

Тех, кому в этот раз не повезло, по-разному распределили. Одних на рабфак определили. Чтобы подучились немного и второй раз попробовали поступить, через внутренние экзамены. Некоторые, оказывается, уехали в Питер (Ленинград по-тогдашнему), в Минск и еще кое-куда. Оказалось, что учебные заведения в КГБ СССР были разными. Но я и сейчас не знаю, чему там учили и кого готовили.

Весь оставшийся день ушел на то, чтобы сформировать команды, переселиться по-новому и разместиться в домиках по-другому.

На ужин уже пошли все в новом строю. По подгруппам. Группам. Курсу. Факультету. В каждой подгруппе 8 человек. 4—5 подгрупп – группа. Полдюжины групп – курс. И так далее.

Сразу же и командиров подгрупп и групп определили. Сверху командиры назначили. И на всех нас – всего два офицера. Начальник курса, и его заместитель по политической части. И это всё.

В классах и столовой сразу же и перезнакомились. Наперед. На пять лет вперед. После ужина свободное время. Командиры уехали. Нас предоставили самим себе.

Так как командиры уезжали, то на вечернем построении объявили нам, что всё новое начнётся завтра. Но оказалось, что до завтра нужно еще дожить...

Глава III. Вылазка

Всегда есть те, у кого есть глупые идеи. Особенно когда новый коллектив, и ни одного начальника. Идея была простая. До безобразия и банальности. Если мы поступили, то значит, по русской национальной традиции, следует это дело и отметить.

Сказано. Сделано.

Коллегиально, как это и принято в КГБ, порешили, что нужно идти за забор. Мы – это те, что уже третий месяца живём за высоким зелёным забором и колючей проволокой в лесу.

Выяснилось от новых товарищей, что за забором есть другая жизнь. Мы конечно догадывались. Но времени не было этим заняться. Зато теперь был повод. Два с половиной, три километра по лесу, и ты рядом с цивилизацией. Деньги были. Потому, скинулись. Определились, кто пойдёт.

Так само собой получилось, что идти предстояло мне. Причём, одному. Так было надёжней и безопасней. Остальные только прикрывают отход и обеспечивают возвращение.

Опыт таких походов у меня уже был давний и большой. Это сейчас понимаю, что рисковал сильно. А тогда что? Привычно. Из ВДВ все-таки. Там этот опыт был богатым практически у всех. Опыт за чачей с сапогом от ОЗК бегать. Он как раз 10 литров вмещал. Рубль литр

стоило. Как ночь, особенно после прыжков, когда деньги прямо в поле вручали за этот самый прыжок, значит, собирайся кто помоложе в поход.

Куда идти известно. К кому – тоже. Явки и пароли те же, и многомного лет неизменны. Как и адреса, и действующие поставщики. Там ждут. Там нальют.

Главное, ни в части не попасться дежурному, ни за забором, где патрули занимались своей работой, а десантники в свою очередь отрабатывали свои навыки умения работать и решать задачи в особой обстановке. Если попался, то всё сам решай. Сам пошел. Сам достал. Сам и пить всё собирался.

Шмурдяк этот, бессарабский – это то ещё пойло, доложу я вам. Его много. Оно дешево. Есть в каждом доме. Все у нас в части на полном серьезе полагали, что в Болграде и румыны, и молдаване, и гагаузы, и болгары, и русские, и украинцы – абсолютно все – настаивали домашнее вино для крепости на извести и курином помёте. Это чтобы сразу с ног сносило.

Один раз пробовал. Алюминиевая кружка всего. Голова ясная. Ноги как чужие. Но это всё одно лучше, чем тройной одеколон из булдыря, он же магазинчик. Тем более что после землетрясения он долго не работал.

Один у нас этот одеколон использовал с утра. Глоток сделает, и дышит, запах перегара тройным огурцом перебивает.

Отцы командиры с этим запахом тоже боролись. Двенадцать километров с оружием и снаряжением – и весь запах подозрительный как рукой снимет. Только запах пота и пыли придёт на смену и останется.

Это в ВДВ всё просто. В КГБ всё по-другому. Цена залёта – это новая жизнь и новый поворот в судьбе.

Только ведь сейчас понимаешь, какой это был риск. А тогда была эйфория. Тем более что объект в лесу был стратегическим. Находился он под усиленной охраной. И те, кто в радиусе нескольких километров от зелёного забора лесного объекта, были тоже в теме и куда надо всегда сигнализировали. Знали и кому, и как. Мобильников тогда только не было. С мобильностью передачи информации было сложно.

Мои новые одноклассники обеспечили прохождение колючки. Забор и вовсе не препятствие. Подбежал. Раз. И ты за оградой. Теперь быстро вперед. Туда и обратно. До цивилизации километра три или два с половиной. И обратно столько же. Магазин найти не сложно. Но ночь. Советские времена. Никто уже не работает. Зато в СССР не было нерешаемых вопросов.

Через группу молодёжи вышел на сторожа. Он принёс бутылку Советского Шампанского и коробку конфет. Как и заказывал. Всё аккуратно завернуто в местную газетку.

– Ты оттуда? – спрашивает меня сторож.

– Откуда? Оттуда!

– Ну, из лесу?

– А ты откуда знаешь?

– А тут все знают, что в лесу шпионы обитают.

– Правда?

– Ну да.

– Нет! Я просто в отпуск приехал. Видишь, десантник Я. Эмблемы, берет голубой, тельняшка.

– А! Ну да! Ну да! Чё надо будет, найдёшь. Запомнил? Я Николай, – протянул руку. – Завсегда помогу. И не бойсь. Никому не расскажу. Я тут практически всегда. Живу вон в том доме. Видишь, окно открыто на первом этаже? Найдёшь, если что надо.

Обратно следовало вернуться в то же самое место, откуда стартанул от забора. Вышел почти точно. Метрах в 20 от нужного места. Кто ночью в лесу бродил, тот поймёт, что можно было и промахнуться. Забор то на километры тянется. И везде практически одинаковый.

Отсутствовал я почти полтора часа. Дал условный сигнал. Получил отзыв. Всего несколько секунд, и всё. Забор преодолен, колючка тоже.

Что там той бутылки шампанского на группу? Исключительно принципа ради. И плюс пол шоколадной конфеты на брата. Однако принцип соблюден. Теперь всем должна была сопутствовать удача и успех.

И эта удача не заставила себя долго ждать.

После завтрака, когда еще нас не посетил начальник курса и его заместитель, наш курс построили на площадке. Главный в этой части леса, полковник Бояринов, стал нам разъяснять то, что он знает, что кто-то ходил за периметр ночью. Что ему это практически точно известно. Но практически. И он даже догадывается, кто это был.

Что не попались – это хорошо. Что охрана промучала – это плохо. Но он разберётся. С охраной. Но самое главное:

– В следующий раз, – он подсказывал нам, – бутылку, коробку от конфет и газеты, в которые всё это было завернуто, следовало бы закопать в лесу. И так это сделать нужно, чтобы никто, ничего не нашел. А то, ишь, расслабились?

И добавил:

– Всё понятно?

– Так точно, – ответили мы хором.

– Вон и командиры ваши уже идут. Мне и без ваших ночных приключений дела есть. Но молодцы. В следующий раз поймаю, мало не покажется.

Командиры пришли не одни, а с капитаном первого ранга Леонидом Григорьевичем Александровым, который оказался заместителем начальника Школы КГБ.

С первого взгляда стало ясно, кто здесь, в Высшей Школе КГБ СССР, хозяин и начальник. Он был в чёрной морской форме и огромного роста. Разговаривал мало. Дважды не повторял.

Оказалось, что теперь нам следовало расстаться с привычной нам формой и переодеться всем в новое. Сапоги, ПШ, ремень, пилотка. И теперь мы все были связистами. поголовно все.

В порядке исключения, морякам и десантникам разрешили оставить тельняшки. Морякам – по знакомству и из чувства солидарности. Десантникам – за компанию.

На это переодевание ушел весь день. Зато на другой по группам отправились фотографироваться на документы в Штаб Леса.

Теперь получалось, что наконец-то всё. Всё готово к тому, чтобы опять начинать сначала. Наступила пора преодолеть новую ступень в школе диверсантов. Очередную.

Срок обучения в этот раз был всего один месяц. Кто не пройдет испытания, отправится домой. Хотя это уже входило в привычку. Состояние такой готовности входило в привычку.

Испытания оказались серьезными. Уже на следующий день прошел отсев.

Глава IV. По танкам гранатами – огонь!

В полку ВДВ у нас был только один танк. Т-55. Старый, но на ходу. И всегда в деле. Всегда востребован. Сколько по нему гранат было брошено? Не сосчитать. Сидишь себе в окопе. Танк едет. Проехал над тобой. Высунулся из окопа, и сзади в корму гранатой. Граната с парашютиком. Чтобы если вправду, то кумулятивной струей броню танка прожечь. И танк вывести из строя.

Танк обычно ехал не спеша. Она же, граната эта противотанковая, далеко не полетит. Её еще и успеть нужно, кинуть вдогонку. Зато кидали до тех пор, пока не попадешь. Вот едет танк прямо над окопами, а все по очереди отрабатывают технику бросков. Попривыкли. Весело.

Зато первая неделя, как зачислили в Высшую Школу КГБ, еще и про Дом на Белорусском никто даже не в курсе, в лесу пока живём четвёртый месяц, и нас тут же кинули под танки.

В прямом смысле этого слова. В полной боевой. На землю, лицом вниз. И на тебя несётся танк. Именно несётся. Вовсе не ползёт. Один, второй, третий.

Обкатали танками. Дали противотанковые гранаты. Учебные правда. Но опять с парашютиками. Снова несётся танк. Теперь один. Головой навстречу танку, и лицом в землю. Танк, проносится над тобой, обдавая жаром и пылью, но едва н проносится над тобой и вновь становится светло, и над головой не его днище, а голубое небо с облаками, нужно вскочить, выдернуть у гранаты кольцо и кинуть в танк гранату.

Как она летит медленно! Будто во сне всё происходит.

С непривычки, чуть замешкался, и танк унесется прочь невредимым.

Тут еще и автомат, как всегда мешает. Его же не бросишь. Не положено. Следует танк еще и обстрелять сзади. Хотя бы и холостыми. Это испытание прошли все.

Вроде страшно, но оказалось, что отбор в КГБ, был проведён не зря. Никто не испугался танков. Думаю, сказался и опыт учителей. Оказалось, что живы были еще те, кто палил настоящие немецкие танки этими самыми гранатами. Вернее, чаще всего простыми бутылками с зажигательной смесью. А это еще сложнее. Причём под этой самой Москвой. Быть может даже в этом самом месте.

От них то мы и услышали в первый раз про Дом на Белорусском. Именно там, оказывается, и формировался настоящий русский спецназ. Здесь же в лесу, где мы и жили в деревянных домиках, готовили советских диверсантов. Ну, типа, как и нас. По той же самой программе. Зато на следующий день нас кинули в огонь. Снова весело было.

Одному, правда, не повезло. Он по армейской привычке схитрил с противогазом. Зря. В Высшей Школе КГБ оказалось, что никто не шутил. Потом он неделю кашлял. Предупредили. Еще раз схалтуришь, и всё. Спасибо! До свидания!

Глава V. Отсев

Встали рано утром. Построились. Сделали зарядку. Умылись. Построились. Сходили на завтрак. Построились. Получили оружие. Выдали старые, выдавшие виды автоматы Калашникова. АК-47 калибра 7.62 мм, с деревянными прикладами (давно такой в руках не держал, у нас в ВДВ давно уже были АК-74, калибра 5.45 со складывающимися прикладами) и противогазы. Построились.

Не знаю, как у других, а нашей группе предстоял кросс на 20 километров по лесу. Вводная:

– Двое по времени последних, бегут еще раз. Кто сойдёт с дистанции – домой.

Одна проблема. Сапоги, хоть и кожаные, но они новые. Зато тем, кто привык не к носкам, а к портянкам, это тоже не есть проблема. Если что не так, можно остановиться, перемотать и снова вперёд.

После службы в разведроты ВДВ, где нас прямо и открыто все свои называли «Рексами ВДВ», предстоящее испытание казалось простым и лёгким. Маршрут определён. Бежим через лес. В лесу указатели навешаны. Потеряться, конечно, можно, но сложно. Чтобы такое произошло, совсем дебилом нужно быть. Опять же, на промежуточных этапах стоят контролёры. Считают.

Построились. Побежали. В нашей группе в два с лишним десятка человек, и все друг друга уже знали. Но знакомство было пока шапочным. Как только поступили, сразу же всех перемешали по новой. Опять новые лица и новые люди. В этом составе мы преодолевали первое серьёзное препятствие.

Ничто не предвещало беды. До десятого километра.

Первые десять километров мы бежали компактно, и весело. Но потом началось. Отдельные товарищи стали отставать. Их стали покидать силы. Пришлось по привычке им помогать.

Кое у кого (у тех, кому было хуже всего) вначале забрали автоматы. Потом сумки с противогазами. Потом их просто стали тащить за собой силой. Те, у кого было больше сил, к этому относились вполне терпимо. Мало ли какая причина. Может человек сегодня не в духе? Не в форме.

Помогало продвигаться вперёд и доброе слово товарища. Кто бывал в армии, знает волшебный лексикон сержанта и старшего товарища. Он и физически поможет в трудную минуту, и добрым словом поддержит. Простимулирует, так сказать.

Когда оставалось всего ничего, один из группы прямо на контрольном пункте остановился и сказал, что категорически не собирается бежать дальше. Пришлось вернуть ему его автомат, и сумку с противогазом. Времени на уговоры у нас не было. Нужно было догнать еще тех, кто в борьбе за первенство и лидерство в группе ушел далеко вперёд. Догнать их за оставшиеся пять километров особых проблем не было.

Прибежали. Отдышались. Построились. Разоружились. Привели себя в порядок. Покурили, кто курил. Стали ждать построения на обед.

Отказавшийся бежать появился примерно через пол часа. Сдал отдельно оружие. Противогаз. Пошел в домик. Собрал свои вещи. И, не попрощавшись, исчез. Больше мы его никогда не видели. И даже не вспоминали. Вначале пошли на обед. Потом новые дела затянули в свой круговорот.

Те двое, кто еле-еле добежал, но всё же пересёк финишную прямую, через неделю бегали еще. Оказалось, что и в других группах были отстающие. Но всё для них обошлось. Время им никто не устанавливал. Главное было, не сойти с дистанции. Они не сошли.

Были и в других группах, оказывается, отказавшиеся бежать. Их тоже больше никто и никогда не видел. Они даже не попали в Дом на Белорусском.

С таким подходом к делу я в последний раз сталкивался только на службе в ВДВ, когда тоже встречались отказники. Те, кто категорически отказался прыгать с парашютом. Бывало и такое. С вышки прыгали, а с самолёта – категорическое нет.

Хотя, положи руку на сердце, с вышки прыгать и сложнее и страшнее. Земля то рядом. Прыг, хлоп, и ты на земле. Ясно дело, что страшно.

Другое дело – с самолёта. А что? Земля далеко. Пока долетишь, много чего сделать можно. И неизведанного много. Чего бы не рискнуть? А если десантирование в группе, то там и вовсе рассуждать некогда. Времени всегда в обрез. Есть чем отвлечься. Пока всё, что положено делал, уже купол над головой. Пока до земли долетишь, и других дел навалом. Много, то есть. Развернуться по ветру. Постараться по горизонтали переместиться, чтобы поближе к цели быть. Автомат к бою привести. Открыть огонь, если такое дело предусмотрено. При приземлении снова автомат убрать. Чтобы по зубам не съездил при касании земли и при падении.

Кто с грузом, тому и вовсе дел неуворот. Отвязать его. На стропе опустить вниз, чтобы рация или антенна первыми земли коснулись, и следить, чтобы на них самому не сесть.

Но закон подлости и в ВДВ существует. Если посреди озера есть маленький остров. На острове одно единственное дерево. Дерево это – акация. Колючки у него с две ладони. Обязательно будет одно и то же. Не было такого, чтобы при массовом учебном десантировании на воду, кто-нибудь на него, на дерево это на острове, не сел, накрыв его куполом. Хорошо, если только парашют на списание. А если сам? Тогда точно – мало не покажется.

Но чтобы кто-то сходил с дистанции – такого не было. На руках несли, но до финиша всегда доходили.

А здесь, просто отказ. Личный выбор. Принятое решение:

– Мне это не надо!

– Ну не надо, так не надо. Спасибо! До свидания!

Никто и никогда даже и не прощался ни с кем даже. Нет, значит всё.

Зато через день поехали на полигон. Из своего леса поехали в другой лес. Там, в другом лесу был другой полигон. Уже с препятствиями.

Начиналось всё с парашютной вышки. Прицепили подвесную. Пристегнули, и вперед. Думать некогда. Прыгали только не с парашютом, а на подвесной по проводам вперед и вниз скользили.

Потом и сразу длинная полоса препятствий. То заборы. То лабиринты под землёй. То брёвна на высоте двух метров. То яма с водой. Вода – условно, конечно. Грязь это, а не вода. Потом под колючей проволокой ползком.

Причём требуется спешить. Полосу хоть и первый раз видишь, но сворачивать некуда. Всё время вперед. Не ошибёшься. А сзади могут догнать. Это не хорошо. И ты догоняешь начавшего до тебя. Обходишь.

Потом команды всякие поступают. По окопам гранатой огонь! Берёшь муляж, кидаешь. Стараешься попасть. Потом другой гранатой по танку. Хорошо, хоть танк стоит. И учебные гранаты на рубеже открытия огня заранее разложены.

Потом на ходу стреляешь холостыми. Обозначаешь поражение цели, и снова бегом вперед. Всё горит, взрывается, дымит, полыхает огнём. Покрышки те же горят греческим ярким неугасимым пламенем с чёрным дымом.

Принимающая сторона старается, как может. Им самим интересно. Палят по-над нашими головами холостыми. Взрывпакеты нам подбрасывают по-товарищески. Под ноги стараются.

Но всё по-доброму. Подбадривают. Улюлюкают, кто как может. Веселятся они, одним словом.

Метров 500 всего полоса эта в один конец, но с препятствиями незнакомыми. Зато интересно.

Бежали до металлического ангара. Метров за 50 до ангара команда:
– Газы!

Немедленно одет противогаз. ОЗК опять же тоже одет. Прорезиненный ОЗК (общевоинской защитный комплект) с собой на поясе в сумке. Теперь совсем в чёрном дыму бежишь. В ОЗК и противогазе. Ближайшая цель, дверь в металлический ангар.

Перед ангаром встречает некто, тоже в ОЗК и противогазе. Путь указывает в ангар жестом. Милости просим, типа. Открываешь дверь, и бегом в другой конец ангара. Там другая дверь. На выходе табличка горит. Другой человек на выходе стоит. Тоже в ОЗК и противогазе. Руками дальнейшее направление движения показывает.

Отбежал от ангара подальше. До пункта дезактивации. Тебя из шлангов поливают. Опять веселятся поливальщики. У них свои нормативы отрабатываются. После этого всё это прорезиненное добро снимаешь с себя. Противогаз тоже снимаешь. Дышишь свежим воздухом и все обратно в сумки на поясе укладываешь, как получится.

Снова автомат в руки, на ремень через себя, и теперь бегом на исходную. Туда, где началось это удовольствие.

– В чём здесь был подвох? – спросите. – Где элементы отбора и отсева?

В этом ангаре, вероятно. В ангаре был настоящий слезоточивый газ. Если в противогазе, то ничего страшного. Ничего не будет. Безвредное это препятствие. И легко преодолимое. Но, как всегда, найдётся самый умный.

Чтобы легче бежать, были люди образованные, которые снимали клапан, чтобы дышать напрямую. Визуально, всё в порядке. Но противогаз у него – бутафория. Всё! Он попал! Слёзы не остановить. На то он и газ слезоточивый. Хоть и мала концентрация. Безвредно практически. Но по шарам врежет. Мало не покажется. И это значит, на вылет намудрил. Теперь, спасибо! До свидания!

И попытка схитрить, задержать дыхание не поможет. Слишком ангар длинный. К этому рубежу подходишь уже весь вымотанный. На нервах. Как ты преодолеешь препятствие, если у тебя противогаз не в порядке? Никак.

И главное. Никаких шуток и поблажек. Всё более чем серьёзно. Жестокие игры на выживание. Подведешь всех по собственной глупости? Тогда, задание не выполнишь. И товарищей подставишь. Рисковать этим никто не будет. Лучше сразу расстаться с таким человеком. Он не прошел проверку.

Потом, больше, уже до зимы на втором курсе, подобных испытаний практически и не было. Но это – отдельный разговор.

В общем, уже через неделю, в каждой из групп поступивших на два, три человека стало меньше. Были и те, кто сам принял решение, что ошибся с выбором. Они думали, что будут учиться как в простом институте. Лекции, семинары, иностранные языки.

Да. Это всё будет. Но потом. Сначала жестокий отбор и настоящая школа диверсантов. Как взрывать и разминировать. Как искать схроны и создавать их в лесу. Как устраивать засады, и как искать диверсантов и бороться с ними.

Глава VI. Рельсовая война, или День Терминатора

*Эта глава, моим друзьям,
Олегу и Юре посвящается.
Они и сейчас в Альфе служат.
Везёт им.*

Программа подготовки диверсантов КГБ СССР, ничего интересного, скажу я вам. Стандарт. Все, как и везде в КГБ. Высшая школа КГБ СССР, в этом деле тоже не исключение. Летний учебный период. Зимний учебный период. Вот и вся разница. Зато с утра и до вечера. И два раза в неделю занятия ночью. Это? наверное, чтобы по ночам дурные мысли в голову не лезли. И всё время спать хотелось.

Зато мы книжек не читали, газет и журналов тоже. Глаза берегли. Сил только на инструкции и наставления хватало. Хотя, сказать, что совсем ничего интересного не было, так это будет погрешить против истины. Было. Много чего было интересного.

Вот, например интересная дисциплина о том, как поезда под откос пускать. Особенно практические занятия в этом деле интересные.

Знаете ли Вы о том, что в принципе рельсы можно подорвать всего 60—100 граммами взрывчатки? Даже не слышали? Вот и хорошо. Это кстати, какой рельс, и кто это делать будет. Но во время войны были и такие мастера.

Вот пришло у нас время практических занятий. Для этого, прямо в лесу, когда-то давным-давно кем-то была проложена учебная железная дорога. Это чтобы учиться на практике, как заложить. Как отойти. Как работу товарища прикрыть от внезапного появления врага. Что потом делать с поездом, опять же отработать нужно.

Не все же поезда даже гипотетически слитки золота могут везти? Иногда и врагов и вражью технику по железной дороге возят. Значит, следует доделать начатое и камня на камне от врага не оставить.

Отличный пример, кстати, есть рельсовой войны, которую вели партизаны во время Великой Отечественной Войны. Опыт предыдущего обучения в этом деле у меня уже был. То же самое мы и в разведроту ВДВ изучали, и отрабатывали. Потому я и вызвался показать, что и как делать. Как с врагом бороться нужно.

Такой эксперимент я уже однажды проделывал. Мы старый мост в Бессарабии, на реке Ялпуг для тренировок использовали. Там, помимо старого моста, столбов много из воды торчало. Мы на них тренировались опоры мостов взрывать.

Порешили не заниматься мелочевкой. Лень некоторым было по грязи лазить под мостом. Потому меня и моего товарища, то есть нас двоих, и послали на примере моста показать своё практическое умение подрывать вражьи мосты.

Взяли мы ящик с тем, что в таких случаях положено. Запалы. Верёвки. Полезли в воду. И всё, что у нас было, все к опорам самого моста и прикрепили. Подожгли и дёру.

Когда бабахнуло, то моста больше не было. Совсем не было. Больше в этом месте негде стало учиться минно-взрывному делу.

Естественно потом были разборки. Но обошлось. Это же ВДВ! Приказ был? Был! Инструктаж был? Был. Технику безопасности соблюдали? Соблюдали! Что так получилось, мы не виноваты. Сколько дали, столько и использовали.

Про то, что каждый должен был попробовать сам, по одной шашке заложить, о том речи не было. Вот сколько на роту дали – по штуке, по две на человеко-десантника – вот столько мы за раз и использовали. За всех и сразу. Это вам не пусковые установки с ракетами уничтожать. Там гранаты хватит. Но лучше тротилом. От гранаты далеко не убежишь.

Так, что не стало тогда больше старого моста через речку Ялпуг.

Говорят, что последний раз этот мост так далеко и высоко летал еще в самом начале войны. Когда наши отступали. Его потом немцы с румынами восстановили. А мы опять всё уничтожили. На будущее, наверное.

А что об этом деле командиры в городе узнали, так это только потому, что грохот взрыва они за 12 километров слышали. Громко мы тогда бабахнули.

Вот и в этот раз, был задан простой вопрос:

– Кто имеет опыт, и кто сможет?

Я вызвался. Снова инструктаж. Снова вопросы о технике безопасности. И снова приказ. Есть приказ, дело теперь за малым. Приказ нужно выполнять. Теперь только взрыватель был электрический, и провода следовало замаскировать в траве и землёй присыпать, чтобы враг не нашел.

Так, как всем в нашей школе диверсантов, как всегда, было лень и не интересно по одной шашке по очереди закапывать под рельсы, ползать на пузе по 50 метров туда и обратно с ящиком и проводами, все поделились со мной своими гипотетическими богатствами.

Прополз, как полагалось. Наблюдали все из окопа. Заложил. Замаскировал. Преподаватель сбегал, проверил, верно ли всё сделал? По инструкции ли? Похвалил.

– Молодец, – говорит.

Потом я кабель протянул до самого окопа, и замаскировал его. Снова преподаватель проверил.

– Хорошо! – говорит он.

Сбегал, установил запал. Вернулся в окоп, подключил провода и бабахнул, как только добро получил.

Оно как гроыхнуло! Рельс потом метрах в 30 нашли вместе со шпалами. Нам то что? Мы в безопасности. Мы в окопах с брёвнами в три наката и плитами сверху.

Правда, огонь холостыми по воображаемому врагу мы открыли не сразу, а чуть попозже. Так сильно грохнуло, что пришлось подождать, пока отголоски взрыва совсем иссякнут, и земля сыпаться с неба не перестанет.

И что же Вы думаете? На этом всё. Больше в этом лесу и этом месте никогда и никого не учили рельсовой войне. Так бабахнуло, что порешили больше этим делом и в этом лесу не заниматься. Рекомендовали найти место подальше от цивилизации. И не ближе чтобы, чем за 100 километров. От греха подальше.

Начальники, во главе с полковником Бояриновым быстро прибежали. Построили. Посмотрели на нас. Григорий Иванович внимательно посмотрел на нас, и говорит:

– Травников! Твоя работа?

– Так точно!

– А ты в курсе, что на этом месте и на этом участке железной дороги и до войны, и во время, и потом, столько лет и столько людей знаменитых учились? Нет? А теперь что? Ты сколько заложил?

– Сколько было, столько и заложил.

– Всё ясно.

И уже к руководителю занятий:

– А ты куда смотрел?

– Да я и в мыслях не держал, что он всё потащит с собой и заложит, – отвечает. – Смотрю со стороны. Интересно было, как получится у него.

– Ладно, – говорит. – Занятия повторить. Но только теперь будете пеньки взрывать. Каждый по одному пеньку чтобы нашел и навыки отработал. И чтобы больше чем по одной пашке в руки не выдавать.

Я потом у Григория Ивановича по случаю спросил, как это он сразу догадался, что это я был? Он мне и говорит:

– У Вас на курсе всего два десантника. Один – Товхелидзе. Он в наряде. И ты! Чего тут гадать? Ясно дело, что энтузиасты.

Мы потом, когда учились пластитом двери железные аккуратно так срезать, чтобы по минимум грохота было и пыли, преподаватель в счёт личной моральной компенсации, попросил меня только со стороны за этим процессом понаблюдать. Но если совсем серьёзно, то читатели вряд ли могут даже представить себе ту огневую мощь, с которой спецназ КГБ СССР мог и спецназ ФСБ РФ может обрушиться на врага.

Был я тут недавно на переподготовке офицеров запаса вместе с одним подразделением ЦСН ФСБ РФ, или группы «А». То есть Альфа. Засаду на БТР отработывали.

Когда атаковали, то его изнутри вообще разорвало, БТР этот. По нему армейские уже года три как работали. Мастерство своё и меткость свою оттачивали. То есть его вообще раздуло как шарик и разорвало. Он потом еще и горел долго. Хотя уже давно гореть не должен был. И так в нём все давно сгорело, что даже теоретически гореть могло.

И снова незадача. Сказали, чтобы мы больше на этом полигоне так не работали. Просили, только с пистолетами приезжать пострелять. Или другой полигон найти. Побольше.

Но это не мы виноваты. Это русское оружие такое мощное. Да и не болванками мы атаковали с гранатомётов, а настоящим оружием.

А это знаете, какая морока, мишенную группу каждый раз по-новой создавать? За триста метров мишенную обстановку организуешь из ящиков. И первым же выстрелом она в мелкие щепки. Совсем в труху. Что остальным делать? Где столько ящиков набрать? И главное, никто не промахивается.

Так, что максимализм в борьбе с врагом, это исключительно русская традиция. Что с врагом ещё делать? Был бы приказ Родины.

Вот и нас так в Высшей Школе КГБ СССР учили работать качественно и эффективно. Такие дни, «днями терминатора» называются. А во время учебы в Школе КГБ СССР, это просто была обыкновенная учёба в школе советских диверсантов.

Глава VII. Тропа следопытов

Если есть желание победить, то следует думать. Много думать. Думать за себя. Думать за своих товарищей. Думать за противника. Это как на охоте. Нужно знать повадки зверя и думать как он. Потом набраться терпения и ждать. Тогда зверь обязательно попадётся, и добыча будет вашей. И еще немного нужно везения, умений и навыков.

Учебная война – это как игра. Один день, одна группа охотится на другую. В другой раз, они охотятся за нами. Вот они, наши условные противники, получили задание пройти к заранее указанной точке скрытно и незаметно. У нас задача другая. Сделать нужно так, чтобы скрытно у них выполнить проход не получилось. И чтобы в пункт Б они не попали. Задача на сообразительность. Потому, что путь противника пролегает из пункта А, в пункт Б. Но как пролегает? Как они пройдут? Где и как их перехватить?

Из средств противодействия у нас всего-то – сигнальная мина. Её следует установить так, чтобы противник её не обнаружил. И мало того, чтобы даже случайно не нашел, но нужно сделать так, чтобы устройство обязательно сработало.

Летнее раннее утро. Лесное озеро. Густой туман. Вдоль берега тропинка. Между лесом и тропинкой густая, высокая трава. Время пять утра с минутами. Только ночь закончилась. Прохладно и сыро. Подмосковный лес, одним словом. И в него пора возвращаться.

Не успели. Есть! Со свистом и грохотом вылетает одна ракета, вторая, третья. Группа противника обнаружена. Мы победили. Враг не прошел.

Легкое задание. Мы за противника хорошенько подумали. И установили сигнальную мину на растяжке не на тропу, а рядом. В высокой траве.

Не ошиблись. Подумали так:

– Пойдут по тропе, обязательно оставят следы. По следам потом найдём и догоним, если что. Время будет. Но если пойдут по тропе, а там растяжка, то обязательно обнаружат. Снимут. И не отдадут. Скажут, что не нашли. Зачем нам такие заморочки? Мы будем искать. Враг-соперник потешаться.

Решили, что лучше поставить рядом с тропой. Между нею и лесом. Прямо в траве и по диагонали. Не ошиблись. Сработало. Один ноль в нашу пользу.

Вся учёба в Высшей Школе КГБ СССР на этих месячных летних продвинутых курсах диверсантов потом сильно пригодилась. Много-много лет спустя сидим с товарищем, пьём чай. Тогда уже на нас с товарищем охотились. Мы с ним проскользнули и сидим у знакомого лесника в гостях. Ждём, когда они нас ловить перестанут. Бесполезно ведь. Мы уже прошли. Мы уже в пункте Б.

Сидим в сторожке. Огонь в печи горит. Греемся. Слышим, сигналка сработала. Потом другая. Третья. Такое впечатление, что они специально так идут нас искать, чтобы постоянно на сигнальные мины наткаться и на том месте спотыкаться и палиться. К утру они устали, внимание притупилось. А мы их ждём, чтобы чаю горячего после бессонной ночи в лесу предложить. В порядке компенсации за наш выигрыш.

Но так бывает не всегда. Прятались мы в лесу в другой раз. Ждали, конечно, но надеялись, что к контрольному времени не успеют. Уверены были, что они, ни лагерь не найдут, ни скрытно не подберутся. Нашли. Подобрались. Мы и пошевелиться не успели. Оказалось, они дважды не поленились через соседние ущелья и горы пройти. Обошли они нас. А мы думали, поленятся ночью по лесу бродить и по скалам в дождь плутать. Не поленились. Они с собой верёвки для этого брали. Предусмотрели наши хитрости и коварности.

Зато бывало и так, что обнаружили уже нас только тогда, когда кто-то случайно ночью наступил на подкравшегося к лагерю в лесу нашего. Случайность, однако. Не иначе. Часового мы обошли незаметно. А чего его коллега-противник выполз из палатки и полез в чашу, в сторону от тропинки – для всех сиё уму не постижимо и не предсказуемо. Ничья получается.

Он потом рассказывал, что специально наступил. Увидел мол. Подкрался. И наступил. Но мы ему не поверили. Цену своей проницательности набивает. Знаем мы это. Сами такие.

Но это только на учениях так всё равно бывает. Товарищ в одном месте раз двадцать ходил. И ничего. Домой вернулся без единой царапины. Другой там же пошел и подорвался. Неудачно подорвался. Но это война. Там враг подл и коварен.

А пока, целый месяц нас в Высшей Школе КГБ СССР учили и гоняли до седьмого пота. Это чтобы случайностей никогда не было. Всё ради нашего везения в будущем. Но это всё во время учебы в школе диверсанта по программе месячной подготовки интересное на этом и заканчивается.

Всё остальное, рутина. Не для романов сюжет. Каждый день стрельба. Днём и ночью. Каждый день топография. Каждый день ориентирование. Каждый день лесные прогулки. Вся разница от туристов, что у нас еще и автоматы с собой, и другого всякого снаряжения в довершок. Еще ящики всякие. Чтобы более правдоподобно было, вместо боеприпасов в этих ящиках камни и песок для весу.

Зато свежим воздухом на природе надышались. Отдохнули в августовских турвоенпоходах по подмосковным лесам. Настоящий месячный курорт-санаторий. И питание отличное.

Хотя Джи Пи эСов тогда еще не было, и все координаты определялись по другим приборам – по картам, по луне и солнцу – экзамены и зачёты были лёгкими. На одном дыхании сдали. И на полигоне никто из автомата и пистолета не промахнулся.

Но время скоротечно. Особенно тогда, когда интересно.

В предпоследний день лета стали собираться в город. Сдали оружие. Сдали снаряжение. Но с преподавателями, лесными жителями, пока насовсем не прощались. Только до зимы расставались.

Нам так и сказали:

– Добро пожаловать зимой. Будем ждать.

Глава VIII. Последний день лета

В августе 31 один день. Это, наверное, специально так задумано. Как и в декабре. Дополнительный день, чтобы успеть подготовиться к чему-то новому.

Накануне, 30 августа, подведены итоги. Кросс пробежали за просто так. Всего пять километров. После обеда, вместо занятий в классах, раздача поощрений, указаний, рекомендаций и команда приступить к сборам своих вещей. Утром, в последний день лета отъезд в Москву. Куда именно едем, еще никто не знает. Но на то и служба, что абсолютно каждый уверен, что есть и куда ехать, и есть те, кто уже нас ждёт и всё подготовил.

Но рано утром 30 августа было и другое событие. Приехал заместитель начальника школы. Всех построили перед домиками. За несколько дней до этого, всем нам выдали удостоверения сотрудников КГБ СССР. Несмотря на то, что там было написано, что каждый из нас является всего лишь слушателем Высшей Школы КГБ СССР, это было полноценное удостоверение сотрудника самой могущественной спецслужбы в мире.

Полдня после этого был инструктаж. Когда можно показывать или предъявлять удостоверение. Кому можно показывать и предъявлять, кому нет. Какие права и какие теперь у нас обязанности. Опять же ответственность. Теперь мы, самые что ни на есть настоящие сотрудники КГБ СССР со всеми вытекающими отсюда последствиями. Теперь, если только нет какого особого задания и поручения, удостоверение сотрудника должно быть всегда при себе. Всегда с собой. Если только не поступит особого приказа.

Заодно, кстати, выдали и наши паспорта. В городе и везде крутитесь, как хотите. Обходитесь паспортом. Считайте, что «ксива» – это всего лишь пропуск куда положено. Удостоверение личности для своих. Если только не будет особого приказа. Тогда удостоверение сотрудника КГБ – это тоже оружие. Оно даёт множество прав и накладывает не меньшее количество обязанностей. Иногда она действует покруче пистолета.

– Помните, – сказали, – что теперь вы представляете КГБ СССР. Но и КГБ СССР с этого момента стоит за вашей спиной. Весь ее, организации, авторитет – есть подтверждение ваших

полномочий. И будьте уверены в том, что в случае необходимости организация сумеет убедить в обратном.

Но предупредили, что и злоупотребление будет караться жесточайшим образом. Особый акцент сделали на том, что утеря личного удостоверения сотрудника КГБ СССР, есть ЧП для всей организации. Личная ответственность примерно такая же, как и при утере оружия или секретных документов.

В тот день, когда нас построил заместитель начальника Высшей школы КГБ СССР рано утром, стало ясно, что никто шутить не собирается. Ответственность будет наступать незамедлительно. И это было тут же продемонстрировано.

После обыкновенной процедуры, сопровождавшей каждое построение при прибытии высокого начальства в любое воинское подразделение, капитан первого ранга Александров приказал:

– Всем проверить у себя наличие удостоверения сотрудника.

Затем, поступила его следующая команда:

– Тем, кто забыл и не имеет с собой удостоверения сотрудника КГБ СССР, выйти из строя!

Как строго ни инструктировали всех новоявленных сотрудников ЧК при выдаче удостоверений, из строя вышло пять человек.

Дискуссий и разборов полётов никаких особых не было:

– Каждому трое суток ареста! – прозвучала команда. Отбывать будете потом. В Москве. Командирам курсов доложить об исполнении. Сейчас немедленно и бегом в распоряжение. Вернуться с удостоверением в строй.

Так что в этот момент было один раз и навсегда всем нам было показано, что самое надёжное место хранения удостоверения сотрудника, это носить его с собой, когда положено.

Как только в строй вернулись посланные за своими документами, началась рутина, обычная для любого воинского коллектива. Что планируется делать? Кто в наряде? Кто куда послан или убыл по срочным делам? Мы стоим, командиры решают. Под конец рутины, традиционные команды:

– Равняйся. Смирно. Вольно. Разойдись.

«Всё!» – думаем. – «Перекурим, построимся через десять минут, и строим на завтрак». Думаем, что обсудим тему дня: – «Не повезло же некоторым». Но все ошиблись. Не это была тема этого дня. Всё было в разы круче. Далеко разойтись не успели. Новая команда капраза:

– Строиться. Равняйся! Смирно! Первая шеренга, два шага вперёд. Предъявить удостоверения к осмотру!

Как только все команды были выполнены, заместитель начальника школы пошел по рядам и лично проверил удостоверение сотрудника КГБ СССР у каждого.

У каждого, но не совсем. У двоих удостоверений не оказалось. Они просто схитрили, и решили, что пронесёт. Потому и не вышли из строя, когда была дана команда выйти тем, кто забыл взять удостоверение с собой. Не пронесло. И вот что произошло дальше.

Всё дальнейшее было настолько для всех неожиданным, что стало уроком для всех, на всё время нашей дальнейшей учебы и службы. После окончания проверки документов двое встали перед строем. Проверяющий отдал приказ, который был оформлен в этот же день:

– Слушатели Высшей Краснознамённой Школы КГБ СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, – далее прозвучали их звания и фамилии, – за нечестность, отчислены из школы.

Вот это был шок для всех. Всё. Шутки закончились.

Потом кстати, тем, кому дали по трое суток в тот день, так их и не отсидели. Вначале из-за занятости по учебе экзекуция откладывалась. Но о её неотвратимости постоянно напоминалось. После первого же полугодия за отличия в учёбе взыскание с них было снято.

Вот собственно и всё.

31 августа 1978 года, после обеда, на автобусах мы выехали в столицу нашей Родины – город-герой Москву.

Часть III. Дом на Белорусском

Глава I. Место для старта

С этого места сегодня стартуют черные Гелендвагены с выпускниками Академии ФСБ РФ. Шутка. 31 августа 1978 года мы приехали на улицу Мичуринский проспект, практически на гигантскую стройку Москвы.

КГБ СССР строил МУЦ. Московский учебный центр КГБ СССР. Почти напротив МУЦ по диагонали возводилась Олимпийская деревня. До Олимпиады-80 в Москве оставалось чуть меньше двух лет.

В то время еще никто в этом месте не учился. Успели построить только огромное общежитие в несколько этажей.

Условия для проживания были отличные. Настоящая гостиница. Думаю, что большинство поступивших в Высшую школу КГБ СССР у себя дома о таких комфортных условиях даже и не помышляли.

Подготовка шпионов и контрразведчиков начиналась с самого простого. С быта. Проживать предстояло в двухкомнатных номерах. Одна комната – шкаф, письменный стол для работы и две кровати. Другая – то же самое, но три кровати.

Комнаты выходили в просторную прихожую. В прихожей шкаф для верхней одежды и обуви, дверь в ванную. В ванной умывальник, душ, а у некоторых даже настоящая ванная, санузел. Большое зеркало. Теплая и горячая вода.

Из прихожей выход в широкий коридор с длинным ковром через все два крыла, в обе стороны от главной лестницы. На каждом этаже и у каждого крыла огромный холл с диванами, мягкими креслами, огромными окнами с занавесками и телевизором.

На каждом крыле этажа свой дежурный. У него стол, сейф на всякий случай, лампа и телефон без кнопок. Либо он может позвонить дежурному, либо ему позвонят, если что нужно узнать. Дежурный, это чтобы чужие не шастали. Все своих знали в лицо.

В общем, если бы не красная лампа и звонок тревоги рядом с дежурным, то можно считать, что мы приехали проживать в стандартную советскую гостиницу звезды так на четыре.

Поселили нас вовсе не кто как хотел, а как было определено сверху. Просто зачитали список, кто с кем и в каком номере живёт, и каждому раздали ключи. Уходишь, ключи сдаёшь. Приходишь, берёшь. Главное, не забывай расписываться в журнале у дежурного по крылу.

Наш курс занял всё крыло.

Внизу, на первом этаже огромная столовая и буфет, которые работали с 6—00 и до 18—00 одна и с 6—00 и до 22—00 второй соответственно.

Чуть не забыл о самом главном. Только приехали, выдали стипендию. Первый курс получал по 95 рублей каждый. В советские времена инженер получал по 120. И по 120 рублей мы стали получать уже на третьем курсе.

С учетом того, что есть рабочая одежда, форма, а в столовых и буфете советские цены на всё, то жить можно было.

Правда, проезд по Москве для нас платный. Метро, троллейбус, автобус, электричка. Везде следовало платить. Даже когда в форме. Именно это и вызвало удивление у кассиров и контролёров. Тогда платили только офицеры и прапорщики. Другие военнослужащие нет. Но мы то – сотрудники КГБ, хотя и в форме курсантов связистов. Так что привлекали внимание. И денег с нас отказывались брать. Нет. И всё тут. Что МЫ? Армию свою содержать не сможем?

Я со своими коллегами по учебе и комнате решили жить по-Рахметовски. Сняли тут же двери со шкафа и разместили их на кроватях под матрасами. Чтобы на жестком спать. Хорошо хоть, гвоздей у нас под руками не оказалось.

В этой комнате мы прожили целых два года. Первые два года жили только в общежитии. Только на казарменном положении. С третьего курса можно было тем, кто был женат или женился, жить в городе с семьёй. А с четвертого курса – хочешь, живи в общежитии, хочешь – снимай квартиру. Твоё личное дело.

В 22—00 построение и отбой. Но ясно дело никто спать не пошел. Кто в холе сидел, кто по комнатам. Но поговорить было о чём. И главная тема, что будет завтра?

Завтра первое сентября. Что нас ждёт?

Никто пока не знал. Все подозревали, что будет что-то новое. Интересное. Но новое пре-
взошло все ожидания. Нас ждал дом на Белорусском. Мы уже знали, что будем учиться в этом доме. Хотя никто пока его и в глаза не видел. И никогда не бывал в нём.

Всё самое интересное обещало быть завтра.

Глава II. Первый день осени

Первый день осени, традиционно это первое сентября, день знаний, день начала занятий во всей стране. Нормальные люди идут в первый класс. Мы пошли на первый курс.

В 6—00 подъём. Построение. Маршрут следования весьма специфический. Через стройки и овраги на станцию электричек Очаково. На электричке до Киевского вокзала. Пересадка в метро. На метро до станции Белорусская. По эскалатору вверх. Через мост на Ленинский проспект.

И вот он – тот самый знаменитый Дом на Белорусском. Дом, в котором теперь предстояло провести пять лет. Однако это только тому, кому повезёт. Марафон на выживание продолжается. До финиша однозначно дойдут не все. И даже не половина. Но таковы правила игры.

Без десяти восемь построение на третьем этаже. Теперь это наше крыло. Здесь наши классы и аудитории. Но сейчас всем следовало пройти в актовый зал Школы.

Теперь пришло время узнать самую для нас страшную тайну. Тайну о том, кто, где и как будет учиться. Не прошло и четыре месяца, как я приехал в Москву.

Глава III. Китайский синдром

Китайский синдром, говорите?

Заинтриговал?

А Вы как хотели.

Лично Я, как и все остальные ждал этого дня и момента четыре месяца. Кое-кто пребывал в счастливом неведении и побольше. Год с лишним.

Оказалось, что теперь нас стало гораздо больше, и к нам на курс, как и на другие факультеты добавились те, кто не поступил в прошлом году, но теперь закончил рабфак, или курсы годичной подготовки на поступление в Высшую Школу КГБ СССР. Они вернулись из отпуска, аккуратно, к первому сентября.

Теперь понятно стало, что будет с теми, кто не прошел по результатам экзаменов в этом году при поступлении. Но так, как они уже прошли тщательную проверку на местах, то зачем делать лишнюю работу. Проще было за год подготовить к экзаменам, если оказалось недостаточно на это двух месяцев. Оказалось, что КГБ кадрами не разбрасывается, и если уж ты прошел первичный отбор, и есть желание, то тебя обучат, научат, и подготовят.

Это только потом мы узнали, что первичный отбор в Школу был столь строг, что в конечном итоге среднеарифметически только один из 36 стал слушателем Высшей Школы КГБ СССР.

И это только из тех, кто уже знал, куда он точно будет поступать. А ведь отбор был еще до этого. И какой отбор. О-го-го был отбор.

Но сейчас я не об этом.

В Доме на Белорусском был огромный актовый зал для больших собраний, торжественных мероприятий, иных торжественных случаев и общих партийных и комсомольских собраний.

Вот такой случай и наступил.

В зале собралась часть первокурсников, которые будут учиться именно здесь и именно на одном из двух факультетов. Назовём их условно Восточным факультетом и факультетом Азии и Африки. Восточный факультет – это контрразведка. Факультет Азии и Африки – это разведка. Причём для факультета разведки – это первый набор. Такого еще в КГБ не было. Все им, поступившим, завидовали.

Так как разведка всегда первая, с них и начали. Тем более, все нормальные люди сдавали по четыре экзамена, а мы пять. Мы сдавали еще и географию – что было неожиданно и внепланово. Но кто бы рассуждал? Время же на подготовку дали? Дали. Поступили? Поступили. Значит, так оно и должно было быть.

На трибуну вышли начальники. И генералы. Начальник Школы. Начальники факультетов. И естественно, партийное руководство.

Начальник факультета разведки, вообще классный был начальник. Самый либеральный в истории Высшей Школы КГБ СССР. И работы у него было пока мало. Всего один курс. Он за своих вообще всегда бился. Отстаивал каждого, если что не так. Понятно было, что он генерал условный. Нет. Генерал он настоящий. Только всю жизнь не в форме проходил. Потому и отношение ко всем у него было соответствующим. Только у них на факультете могло так быть, чтобы половина в форме, а половина в гражданке. Причём кто в костюме, а кто как получилось и во что горазд. И их генерал на эту пестроту и плюрализм в одежде вообще внимания не обращал. Он был как Ленин. Все время повторял. Учитесь, учитесь, учитесь. Повторял, как заклинание.

Как только представитель из центрального аппарата КГБ нас поздравил с поступлением, и начальник Школы вместе с гостями убыли работать по своим планам, на что всё про всё ушло минут максимум десять, и что нам особенно понравилось, началось другое священнодействие.

Для всех то, что теперь происходило, было полным сюрпризом. В том, что потом произошло, ни тогда, ни даже сейчас, по прошествии стольких лет, никому никакой логики обнаружить не удалось. Никакая аналитика не в помощь. Вероятно, это была судьба. Но уже и сейчас это тем более не важно.

Стали зачитывать список факультета разведки. Фамилия вам ни к чему. Они, как и имена, могли быть любыми. И даже документы могли быть подлинными. Не это важно и интересно.

Просто представьте себе картину. Начальник первого и пока единственного курса факультета разведки школы лично читает список:

- Звание, фамилия, группа, турецкий.
- Звание, фамилия, группа, фарси.
- Звание, фамилия, группа, арабский.
- Звание, фамилия, группа, тайский.
- Звание, фамилия, группа, хинди.
- Звание, фамилия, группа, суахили.
- Звание, фамилия, группа, кхмерский.

- Звание, фамилия, группа, лаосский.
- Звание, фамилия, группа, тагальский.
- Звание, фамилия, группа, кхмерский.
- Звание, фамилия, группа, бирманский.
- Звание, фамилия, группа, амхарский.
- Звание, фамилия, группа, банту.
- Звание, фамилия, группа, хауса.
- Звание, фамилия, группа, иврит.
- Звание, фамилия, группа, индонезийский.

Я даже не сразу и понял, что речь идёт про меня, так завораживающе звучали названия языков мира, которые теперь предстояло выучить за пять лет учебы и знать их в совершенстве.

Индонезийский, так индонезийский.

Но была странность. Дело в том, что мы, те, кто должен был учить индонезийский и японский, были до этого совершенно в другой компании. Разницы особой конечно нет. Но слово разведка звучит круто. Контрразведка – это конечно тоже ничего. Но несколько иной статус. Разведка в Школе, это, считай, те же что и в МГИМО или ИСАА МГУ учатся. Они потому так и общались между собой, и документы им соответствующие, когда надо выдавали, чтобы заранее друг с другом познакомились.

Зато всё самое интересное началось потом. Факультет разведки сменил начальник первого курса Восточного факультета. И начал читать свой список и перечень. И если до этого всем было весело и непонятно, то теперь дальнейшее чтение стало совсем размеренным и без всяких там новаций. Это чтение напоминало неспешное течение реки Янцзы или Хуанхе в их устье, перед впадением в моря Мирового океана:

- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Звание, фамилия, группа, китайский.
- Китайский...
- Китайский...
- Китайский...

Слово китайский повторялось и повторялось как оказалось более ста раз. Было ясно, кто у нас главный противник, или природный друг и соратник.

Не знаю, как у кого и где, но это был настоящий китайский синдром.

Правда и здесь не обошлось без приключений.

Монотонность звучащих званий, фамилий и волшебного слова китайский вдруг прервалось неожиданным заявлением с места:

– А я не хочу китайский учить!

Повисла некая немая пауза и все увидели явное удивление на грани растерянности на лице зачитывавшего судьбоносный список распределения языков.

От удивления глашатай будущего и распорядитель судеб растерянно опустил руки и с просьбой на уровне мольбы о помощи повернул голову к президиуму, который и сам в свою очередь не сразу понял, что произошло.

Начальник восточного факультета пришел в себя первым:

– Фамилия?

Услышав звание и фамилию, удивлённо спросил:

– А какой язык Вы бы хотели учить?

– Английский.

– Почему?

– А зачем мне китайский?

– Всё ясно. Не хотите, и не надо. Спасибо. До свидания. Вы отчислены. Покиньте помещение. Проводите товарища, – это генерал уже обратился к своему помощнику. – И чтобы я его больше не видел и не слышал! – добавил он, тихо, выдержанно, спокойно и без всяких эмоций.

И всё. Больше никто и никогда о нём, пожелавшим высказать своё желание учить английский, не слышал и его не видел. Наверное, уехал сразу домой.

Желающих отказаться от изучения китайского языка больше тоже в этот день не было. Все вдруг прониклись важность выбора, сделанного кем-то за них.

Правда потом, бывали случаи, когда несмотря ни на какие старания, некоторым язык так и не дался. Как ни старались, не пошли иероглифы. Но их просто перевели учиться в другое здание, и на другой факультет. Юристы и следователи без знаний иностранных языков тоже были нужны.

Зато это происшествие хоть как-то оживило монотонность происходящего. Тем более, что список, содержащий в себе волшебное слово китайский, еще не был зачитан и на половину. Правда в конце его дополнили словами – корейский и вьетнамский. Но это была капля в китайском море.

После распределения вдруг стало понятно, что есть некая нестыковка. Японцы и индонезийцы были зачитаны в списках факультета разведки, но мы уже месяц обитали в составе, как оказалось, группы восточного факультета.

Всех, кроме индонезийцев, отправили в выделенные каждой группе классы. Кроме нас. С японцами почему-то всё порешали сразу.

Теперь нас семеро индонезийцев сидит в огромном актовом зале. В президиуме на сцене, в гораздо большем количестве старших офицеров и генералов, идёт совещание о том, что с нами делать.

Минут через десять порешили оставить нас пока на Восточном факультете, но считать себя слушателями факультета разведки. Пока! Причём слово «пока» вселяло в нас уверенность в некое светлое будущее и некую избранность, которая всегда сочетается с неопределённостью и её дополняет.

Эта неопределённость продлилась почти пару месяцев. То нас переводили на другой факультет, то возвращали обратно. В итоге вернули к китайцам насовсем.

Не последнем аргументом в этом споре, как оказалось, был и вопрос о том, какая самая мощная и экономически влиятельная диаспора в Индонезии? Китайская? Вот пусть и привлекают к китайцам. Китайскую культуру и историю заодно изучают. Пригодится. Заодно и японцы пусть тоже остаются на Восточном факультете.

Вот так, на ходу всё и решилось.

К слову о выборе языков, английский язык все равно учили. Только со второго курса. Но и там были свои особенности. Просто после усиленного изучения любого восточного языка, русский акцент в любом европейском языке как рукой снимет. Проверенно практикой.

Глава IV. Китайский синдром в реале

Попал Я на Восточный факультет Школы, где из 10 девять китайцы. Вернее те, кто учил китайский язык. И ни разу не пожалел. Хотя моя страна Индонезия и еще Малайзия, но ни разу не пожалел, что в обучении был китайский уклон.

Приехали однажды ребята с языковой практики. Те, что постарше. На год в то ли Сингапур, то ли в Макао, то ли в Гонконг, то ли на Тайвань с дипломатами ездили совершенствоваться в китайском языке и изучать культуры китайцев. Вот какой интересный случай рассказали. Из раздела национальной психологии это повествование. Хотя, наверное, это характерно для всей Юго-Восточной Азии.

Но вначале анекдот. Политический. Сейчас можно.

Тогда, в конце семидесятых, начале восьмидесятых он, анекдот этот, был вообще сильно популярен. Как и джинсы. Говорят, что его даже Леониду Ильичу Брежневу рассказывали. Он заценил. Ветераны, они вообще юмор ценили и понимали. А у тех, кто за полсотню раз на Малую Землю под Новороссийском под огнём на торпедных катерах сходил, так с юмором и вовсе нормально было. Потому столько и свидетелей, и очевидцев нашлось у него, что с ним лично тогда пересекались. Туда с десантом. Обратно с ранеными. Пока самому челюсть не разворотило. Это вот почему он с такой дикцией был. Только стеснялся рассказывать.

Но вернусь к анекдоту.

Джинсы тогда должны были быть потёрты-потёрты. Мода тогда такая была. На потёртые джинсы.

Вот сидит Владимир Ильич Ленин на ступеньках Смольного и делом занят. В руках у вождя мировой революции большой кусок красного кирпича. Он им усердно и увлечённо трет брюки на бёдрах.

Подходит к нему Феликс Эдмундович Дзержинский, и спрашивает:

– Чем это Вы, Владимир Ильич заняты?

– Леви Страус должны быть Леви Страус, дорогой Феликс Эдмундович! – отвечает Ленин.

И продолжает свой труд.

Так вот. Возвращаюсь к вопросу об особенностях национальной психологии.

Вернувшись с языковой практики, один из изучавших в Школе китайский язык рассказал такой забавный случай.

В те далёкие от нас времена, настоящие джинсы стоили невероятно дорого. Рублей так за 120. Целая классическая месячная зарплата инженера средней руки или МэнЭэСа (Младшего научного сотрудника). Дорого, в общем.

Однако иметь настоящие джинсы было весьма престижно и модно. И не каждому по карману. Потому средств не жалели. Даже комсомольцы. Приобретали и доставали несмотря ни на что.

Если же повезло, то носили их до самого их конца и издыхания. Пока была возможность, и они не расползались совсем, то чем они были потёртее, тем это было моднее и тем больше было уверенности в аутентичности и тому, что это были настоящие, американские джинсы, а не какая-то там Индия или Венгрия с Польшей. О Турции тогда и речи пока не было.

С собственными джинсами так свыкались, что расстаться с ними не было никаких сил. Тем более, если джинсы оказывались в размер, то считай, что повезло три раза в одном.

Во-первых, сам факт того, что джинсы вообще есть.

Во-вторых, что это были настоящие джинсы знаменитого на весь мир производителя с настоящими брендами и заклёпками.

В-третьих, что джинсы оказывались впору и по размеру. Их не нужно было ушивать. Хотя на крайний случай допускалось их подшить, чтобы по длине подходили.

В общем, один из наших, привез с собой туда, за бугор, за границу свои любимые джинсы, которые могли в любой момент порваться и разлезться на обыкновенные тряпочки.

Привёз он их с целью приобрести за рубежом точно такие же. Чтобы и бренд тот же, и фасон по моде, и размер по фигуре.

Тут, ему, кто-то возьми и посоветуй пойти в торговые ряды на рынке и там, на месте и по дешёвке заказать точно такие же у китайских торговцев.

Он сходил. Договорился с торговцем-китайцем, чтобы ему достали и продали точно такие же джинсы, как его любимый образец. Чтобы размер был тем же, марка производителя та же. В общем, как было им сказано китайцу на чисто китайском языке:

– Точно такие же.

Сговорились в цене. Определились остановиться после торгов на трёх американских долларах. Что в рублях по ценам чёрного рынка было 18 рублей, а по курсу Центробанка и вовсе один рубль 86 копеек. Это являлось вполне приемлемым и выгодным.

Китаец пообещал решить вопрос быстро, и сказал, чтобы за покупкой пришел в 12—00 следующего дня. А еще попросил оставить образец, чтобы ничего не попутать. С неким сомнением за сохранность сокровища, наш товарищ согласился.

На следующий день приходит он за заказом. Китаец не обманул. Ровно в 12—00 ждал в своей лавке из картона. С улыбкой протягивает ему двое джинсов. Старые джинсы заказчика и новые джинсы, как заказывали.

Однако проблема. Какие из джинсов старые, а какие новые определить не представлялось возможным. Джинсы были абсолютно тождественны во всём. Не только в дырках, потёртостях, разрывах. Но и в брендах, размерах, заклёпках.

То есть то, что для нашего, советского человека и гражданина, понятие «точно такие же», это одно, а у китайца подразумевало все точно такое же во всём, но несколько иное. Такое же даже в деталях, а не только в наиболее важных свойствах, и даже с учётом в степени изношенности.

А что? Мастерство и есть мастерство. Ведь их, джинсы эти, в ручную изготовили и довели до соответствующей кондиции в срок, и по-честному предоставили за ранее оговорённую плату.

Это и есть особенности китайского менталитета. Сказал точно такие же? Сказал. Просим!

Чтобы хоть как-то компенсировать издержки и особенности нашего национального сознание, открою другую страшную тайну из советской реальности. Значительная часть этих самых настоящих американских джинсов шилась, как принято говорить, на Малой Арнаутской в Одессе.

И это истинная правда. Джинсовая ткань и нитки – контрабанда морем или через Грузию. Заклёпки и фурнитура из Турции и Италии. Восьмерка вручную. И никто одесский образец от подлинных американских джинсов ни при каких условиях не отличит. Наверное, даже ручное производство покруче по качеству будет, чем штатовская массовка. Но кто ж тогда на это внимание обращал?

Вернувшийся еще долго ходил и два одинаковых образа изношенных джинсов показывал для подтверждения правдивости своего рассказа.

Так, что национальный менталитет, это явление, которое следует всегда учитывать.

Вот, к примеру, тот же торговец мелочовкой, но индонезиец. Хотите испортить ему настроение? Просто спросите, сколько стоит его вещь. И сразу, не торгуясь, дайте ему рупий столько, сколько он сказал. Всё! Нет ему больше в жизни счастья. Изведёт он себя на нет сожалением, что не назвал цифру побольше. Практически катастрофа для него, эта ошибка.

Глава V. Язык и курение

Вот вам занимательный вопрос:

– Как быстро выучить иностранный язык, или к вопросу о роли курения в изучении иностранных языков?

Как Вам такой подзаголовок? И ведь я не шучу. Я только расширяю перечень обязательных условий, необходимых для эффективного освоения любого иностранного языка.

Только, есть просьба. Прочитав этот текст, никому не рассказывайте этого. Не выдавайте секретов. Можете только пользоваться этим исключительно сами. Результат, безусловно, превзойдет ваши самые радужные предположения.

Так, главным составляющим положительного результата в изучении иностранных языков является, безусловно, время, затрачиваемое на ежедневное изучение и запоминание иностранных слов. Для тех, кто изучает иероглифы, это еще и особенно важно для приобретения дополнительных знаний.

И так, переходим к деталям. Наш любимый вид транспорта на маршруте Дом на Белорусском – Очаково/МУЦ, вечером, и МУЦ/Очаково – Дом на Белорусском, утром, это обыкновенная электричка. Может на метро и автобусе быстрее будет. Но не так полезно. И вот почему. Перемещение на электричке, оказалось весьма полезным именно для изучения иностранных языков. Утром и вечером, по полчаса вполне комфортных условий передвижения. Пользуйся моментом. Сиди и учи свой иностранный язык.

Но учить язык следует по определённой методике. В этой методике изучения иностранных, и особенно восточных языков, курение тоже играет немаловажную роль. Причём, чем круче и дороже сигареты, тем лучше результат. Проверенно лично.

Дело вот в чём. Дело в том, что эффективного овладения восточными языками требуется достаточное количество пустых пачек из-под сигарет. И в принципе, для этого вовсе не обязательно курить самому. Достаточно просто достать у друзей, которые курят, ставшие им ненужные пустые пачки. И чем лучше и дороже сигареты, тем качественнее для них делают пачки.

И Мы старались. От каких только марок сигарет пачками небыли наполнены наши портфели. Откроешь такой портфель, и стороннему наблюдателю первое, что придёт в голову, что он имеет дело с заядлым и запасливым курильщиком. Или, минимум перед ним начинающий коллекционер пачек из-под сигарет, или даже самих сигарет в пачках. Со стороны то и не поймёшь.

Подумает так, и ошибётся. В эти пустые пачки у нас были сложены специально нарезанные и заранее заготовленные карточки из плотной бумаги. С одной стороны такой карточки написано иностранное слово, иероглиф, или выражение. С другой стороны – перевод слова, его значение и произношение иероглифа, перевод выражения, пословицы или поговорки. Некоторое количество карточек системно упаковано в пачки. Пачки подписаны или номерами, или названиями тем, в которых используются требуемые слова, иероглифы или выражения. Или то, что потребуется на следующий день на занятиях. В общем, содержится всё задание на дом.

Вот и весь секрет.

Садись в электричку вечером, когда она наполовину пустая. Открываешь портфель. Достоешь нужную пачку из-под сигарет. Из пачки извлекаешь заранее подготовленные карточки. И поочередно учишь слова. Вначале читаешь на языке. Потом вспоминаешь его значение. Проверяешь себя, перевернув карточку. Если не ошибся, то карточка возвращается в пачку. Ошибся? Долго думал? Карточка безжалостно возвращается в кругооборот. И так происходит до тех пор, пока все карточки не возвратятся в нужную пачку.

Затем, то же самое делаешь наоборот. Читаешь на карточке русское слово. Вспоминаешь иностранное. И всё идём по накатанному. Вспомнил? Карточку в пачку. Ошибся, замялся? Карточка идёт по новой в кругооборот.

Вот и весь секрет. Как говорится, три в одном. Пока доехал до нужной остановки, слова с карточек из сигаретных пачек у тебя в голове. Утром можно повторить то же самое. Только выезжать следует пораньше. Иначе стоя в проходе, много не выучишь.

С иероглифами конечно несколько посложнее. Их еще прописывать следует каждый день. И по много роз. Но когда ты всё выучил по карточкам, то и эта часть изучения языка идёт легче и требует гораздо меньше времени.

Вот я и выдал вам секреты Высшей Школы КГБ СССР о методах эффективного изучения иностранных языков.

В основе этого, конечно, лежит упорство и постоянство. И конечно знание определённых дополнительных секретов. Но это из рук в руки передаётся. Так, что пользуйтесь. Но только сами лично. И никому не рассказывайте постороннему.

Что интересно и поразительно. Два года регулярного передвижения по полчаса на электричке туда и обратно, и, вместо курения в тамбуре, использование пачек из-под сигарет не по назначению – и всё. Знание языка вам гарантированно обеспечено. Индонезийского – это точно.

Это конечно не всё. Но весьма важно. Заодно и память тренирует.

Глава VI. Первый, тот, кто из наших

Какой бы ты язык не изучал, без практики – грош цена твоим знаниям. Потому, после изучения основ языка, добро пожаловать на языковую практику. В среду с погружением. В том числе и с погружением в будущую оперативную работу.

Казалось бы, в чём проблема. Езжай и практикуйся. Но это сказать легко. Да и знания языка нужны специфические. Особенно, если у тебя особая профессия и китайский язык базовый.

В то время обстановка и отношения между СССР и Китаем были специфические. Идеологическими разногласиями это называлось.

Основы и у СССР и у КНР одни. Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ульянов (Ленин). Но у них Мао Цзедун, а у нас коллективное руководство. Дело дошло до перестрелок. До столкновений на острове Даманский.

Конечно, если что было непонятного, то проще, наверное, было обсудить разногласия по телефону. Но это только на первый взгляд. Это сейчас, что президент России, что китайские товарищи, по телефону решают вопросы. Тогда, в 70-х и 80-х, не так всё было. И со связью реально похуже. Гораздо проще было следит друг за другом и изучать обстановку, засылая друг другу нелегалов.

Они к нам. Мы к ним. Работа была такая.

Вот один из наших и попал на практику, поближе к границе СССР и Китая. Тем более что его давно ждали. Нужен был свой специалист с языком. Откуда на учёбы направляли, там и практику ему проходить. Чтобы потом время на вхождение в дело и обстановку не тратить.

Из этой практики наш товарищ не вернулся. Вернее вернулся. Награждённый Орденом Красной Звезды посмертно. Осталась жена и ребёнок. Пока мы учились, с каждой стипендии скидывались им ежемесячно. Что было после нас, Я не знаю.

Сегодня можно уже рассказать без подробностей, что тогда произошло. Разведка готовила к переходу через границу обученного и подготовленного, бывшего перебежчика в СССР, из числа настоящих китайцев. Обучение прошло успешно. Пришло ему, подготовленному

и обученному разведчику, время переходить на другую сторону. Накануне перехода, все действующие лица собрались на специальной квартире, в поселке, недалеко от границы.

Последний инструктаж перед заброской. Все сказано. Уточнено. Выдано оружие. Пистолет с глушителем. Всё абсолютно, как в фильмах про шпионов. Граница для перехода открыта. Пограничники указали проход и время. Установлен контроль за сопредельной стороной.

Перед выходом вся группа оперативников и прикрытия, вместе с нелегалом прилегли отдохнуть пару часов. И всё.

Утром из наших никто не проснулся. Кинулись искать исчезнувшего китайца. Произошло непонятное. Когда все уснули, китаец расстрелял группу спящих из пистолета с глушителем. В том числе и одного из наших практикантов. Затем попытался бежать в Китай.

Однако, это только условно, пограничники открыли границу. Чтобы оставить беспризорными рубежи Родины, да «ни в жисть». Не те люди и не та служба. Просто так границу пройти уходящему оказалось невозможным.

Китайца погранцы погнали вообще в обратную сторону, в тайгу. Было изведено уйма патронов. Но беглеца живым взять не удалось. Нечего было стрелять в наших пограничников. Суровые они ребята. Хотя они точно не знали, и были не в курсе, что произошло. Но враг не ушел.

Вот так погиб наш товарищ. Но он не был первым и последним.

Из этого случая был и вывод сделан. Оружие выдавать в самый последний момент. Вот так и рождаются Уставы, Уставы, которые пишутся кровью.

Часть IV. Самый интересный предмет

Глава I. Магия цифр в КГБ

В КГБ СССР, как и в математике, физике, всегда царила магия цифр и цифры правили белом. И дело не в том, что нам, разведчикам и контрразведчикам во время учебы в Доме на Белорусском, читали лекции для развития кругозора лучшие математики, физики, химики из Академии Наук СССР. Всякие директора научных институтов и сплошь лауреаты и герои труда в области космонавтики, самолёто- и ракето-, танко- и кораблестроения. Это чтобы мы в курсе всех новостей науки были первыми, а не узнавали всё из журнала Техника Молодёжи.

Были, конечно, академики и членкоры из Институтов Истории, Философии, Лингвистики, Востоковедения, Стран Азии и Африки, США и Канады и других. Примаков, например, время от времени лекции читал.

Но сейчас я про другое. Я про цифры.

В КГБ СССР всегда царила магия цифр. Их сложение, вычитание, смешение, и умножение. Наверное, это происходило из уважения к математике, и под влиянием криптографов и шифровальщиков.

Все учебные заведения КГБ СССР, кроме Высшей Школы КГБ, имели не название, а номер. Кабинеты и этажи постоянно меняли свои номера. Постоянно сменяли свои номера подразделения и направления. И что скрывалось за тем или иным номером в конкретный момент времени никто посторонний не знал и знать не мог. Сами путались.

А что говорить про бедных американцев и их церурушников? Представляете, каково им было шпионить? Сплошная путаница в цифрах и головах.

А что делать? Конспирация должна быть конспирацией. Куда в спецслужбах без неё?

У нас и факультеты все имели свои собственные номера. Кажется, крайним номером был номер семнадцать. Но точно не знал никто. Зато каждая, маломальская организация в КГБ, вернее все, кому было положено, имели ещё и номер воинской части. Это, наверное, для того, чтобы если что, было точно известен адрес, на который письма писать.

Магия цифр царила и на факультетах. Номер курса, это понятно. Но были еще номера групп, номера подгрупп.

Самый коварный вопрос со стороны, конечно, был о том, какие дисциплины изучались в Высшей школе КГБ СССР?

Но, как известно с древности, задающий мудрёные вопросы, получает мудрёные ответы. Или еще точнее, на любой дурацкий вопрос врага, всегда наготове есть дурацкий ответ. И потому, даже сейчас, нет ничего проще – дать правдивый ответ на этот сложный и коварный вопрос. Называй любую цифру, и не ошибёшься.

Дисциплины, подлежащие изучению согласно плана, кроме конечно истории КПСС, Научного коммунизма, Политэкономии и иностранных языков, все имели свой собственный номер. От единицы и до бесконечности в своей вариативности. Чтобы в итоге не переходить на трёхзначные цифры в ответе и в расписании занятий, некоторые учебные дисциплины имели ещё и дополнительные буквы. Буквы, до беспредельной бесконечности неведения расширяющие суть изучаемого предмета.

А Вы как хотели? Даже История КПСС имела свою закрытую часть, а про криминалистику или страноведение и говорить не приходится. Тем более, зачем указывать психиатрию, если и в ней не всё однозначно. Психология и подавно, дисциплина многозначная. Вдруг полиграф придётся изучать, и отрабатывать умения и навыки введения его в заблуждение?

Так, что запутать врага в магии цифр, это дело благодарное и полезное. Главное, самому не запутаться.

Глава II. Как обмануть полиграф?

Вы сильно удивитесь, но нет ничего проще, чем обмануть полиграф. Полиграф – это детектор лжи. Штука эта научная. И потому безотказная. Как всем известно, наука требует точных и однозначных ответов. Вот вам и весь ответ на вопрос, как обмануть детектор лжи.

Полиграф, он что? Он ищет однозначного ответа. Откуда же в жизни взяться однозначности. Мир многополярен и многозначен. Запутаться легко. Легко запутаться самому, а значит легко запутать и полиграф. Потому, мыслите на детекторе лжи многозначно. Проявляйте неуверенность.

Кто Вам сказал, что дважды два четыре? Вы уверены в этом? Вот объясняю вам на пальцах. Вы загадали цифру от одного до девяти. Полиграф угадает. Он не может не угадать. У вас есть однозначный ответ. Это конечно огромный личный ваш секрет. Но! Детектор лжи с огромной вероятностью и точностью у вас его выведает.

Если же ваша искомая цифра, есть величина производная от других цифр, которые вы держите в голове, но даже не пытаетесь получить результат от этого мысленного сложения? Что в таком случае прикажете делать полиграфу? Вы и сами-то еще в голове не выполнили столь сложного арифметического действия. А полиграф или детектор лжи – гаджет сложный. Куда ему такое выполнить? Он же не калькулятор? Нет!

Вы, конечно, возразите, что так не честно. А кто сказал, что нужно быть честным? Кто сказал, что Вы будете играть не по своим, а по чужим правилам? Да никогда в жизни.

Или вот ещё для занимательности. Представьте себе, что вы идёте по улице и ищете нужный номер дома. Представили? Усложняем задачу. А если на улице сплошной туман. Много разглядите и увидите? Вот то-то же. Так что в борьбе с полиграфом побольше туману.

Конечно, если все эти поиски проводить в кромешной тьме, где, если что, можно и фонариком подсветить. Ну, так и здесь туман подсобит.

Вообще-то эта страшная машина рассчитана в своём совершенстве на целом ряде принципов и законов физиологии и психологии. Он учитывает множество факторов, связанных с сердечной деятельностью, дыханием, свойствами кожи, психологических реакций и связанных с психологией функциональных реакций организма.

Однако вот вам еще вопрос. Что Вы знаете о законе детерминизма в физиологии?

Подсказываю. Единоновременно, человек может концентрировать своё внимание и мысль только на чём-то одном. Перескакивать мысленно с одного на другое внимание может. Но в единицу времени, все равно концентрация только на чём-то одном.

Вот для полиграфа задача, что Вы о разном думаете. Вот и думайте о том, что Вас в дрожь бросает.

Нет. Конечно, разработчики детектора лжи, люди учёные. Они и это учли. И потому, не сопротивляйтесь. Говорите только правду. Она вам и поможет надурить глупую машину.

Вот простейший пример. Поймала шпиона контрразведка. Вопрос на полиграф:

– Вы шпион.

Пойманный честно отвечает, что нет. И он абсолютно прав. Отвечающий предельно честен. Это для задающих дурацкий вопрос про шпионов Вы – шпион. Для вас самих вы всего лишь разведчик.

Зато в этом деле есть одна важная тонкость, которую следует учитывать. На полиграфе работает профессионал. Детектор лжи, это всего лишь машина, инструмент. Пользование любой машиной и инструментом требует искусства.

Когда Вы имеете дело с искусством, то здесь всё несколько по-другому. Впрочем, разведка и контрразведка, это тоже искусство. Так, что всё по-честному.

Кстати, чтобы с помощью полиграфа выяснить что-либо, следует знать о чём спрашивать. Нужно правильно задавать вопросы. И здесь столько подводных камней и мелочей.

Однако, раз мы имеем дело с искусством, то лучший способ узнать с чем ты имеешь дело, это попробовать самому.

Скажу честно. Полиграф можно обмануть. Это даже не очень и сложно. Но это будет происходить до тех пор, пока лично тебя не изучат хорошо. Вот тогда и наступят проблемы у Вас, а не у детектора лжи, который всего лишь машина и эмоциям не подвержен. В отличие от Вас.

Но нет ничего невозможного.

Напоследок сюрприз. Есть такие люди, в отношении которых полиграф бесполезен. И искусство оператора бессильно. Но я не скажу, кто это. Сами узнайте. Это не секрет.

Глава III. Самый интересный предмет

Будете угадывать, и не угадаете. В первый же день занятий у нас был учебный предмет, история Коммунистической Партии Советского Союза. И никто даже представить не мог, насколько этот предмет в конце 70-х годов оказался для нас, первокурсников интересным.

Даже если вы сегодня, по прошествии почти сорока лет думаете, что уже все знаете, то вас кто-то обманул. Чтобы вас огорчить и расстроить, я кое-что расскажу такое, что подготовит почву для того, чтобы поколебать в вас такую уверенность.

Как человек, еще в армии закончивший вечернюю партийную школу, которую просто обязан был заканчивать любой молодой коммунист, впрочем, как и мои товарищи по курсу, группе, факультету и школе, я был уверен, что мы уже все знаем. Ничего нового нам не расскажут.

Все ошиблись. Абсолютно все. И вот почему.

Как всегда, дьявол кроется в деталях. Так было дело и с историей РСДРП, ВКПБ, КПСС. Оказалось, что мы будем учить этот предмет на 70 процентов по-другому. По другим учебникам. По другим источникам. У других преподавателей, чем мы привыкли.

Нет. Общая канва предмета конечно была как и везде. Во всех учебных заведениях Советского Союза того времени. И даже учебники для высших учебных заведений Советского Союза были такими же. Этого было теперь недостаточно. Совсем недостаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.